

Отделение историко-филологических наук РАН
Грамматическая комиссия РАН
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Отдел корпусной лингвистики и лингвистической поэтики

«СЛОВО И ЖЕСТ»

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,

посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)

Москва, 7 февраля 2026 года

Материалы конференции

УДК 316.77:81.27(082)
ББК 88.53:81.001я43
С-483
DOI: 10.31912/slovo-i-gest-2026

С-483 «Слово и жест». Всероссийская научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 7 февраля 2026 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2026. — 96 с.

ISBN 978-5-00274-039-0

Сборник содержит материалы научной конференции «Слово и жест», посвященной памяти Е. А. Гришиной (1958–2016). В центре внимания конференции — обсуждение вопросов мультимодальной коммуникации и жестикуляционной лингвистики, а также смежных проблем.

ISBN 978-5-00274-039-0

© Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН, 2026
© Коллектив авторов, 2026

Содержание

<i>Н. В. Богданова-Бегларян.</i> Прагматические маркеры русской разговорной речи: проблема перевода на другие языки.....	5
<i>С. И. Буркова.</i> Источники показателей возможности и ее отрицания в русском жестовом языке	15
<i>М. Н. Грищенко.</i> Открыть глаза / закрыть глаза: сходства и различия фразеологических единиц в повседневном дискурсе.....	18
<i>А. А. Евдокимова.</i> Жесты головы в диалоге (с реальным и воображаемым собеседником) на материале корпусов RUPEX и SAFE. К постановке проблемы.....	24
<i>А. А. Зинина, А. А. Котов.</i> Слово vs. жест: люди склонны доверять антропоморфному роботу.....	28
<i>М. И. Киосе, О. Н. Прокофьева, О. В. Агафонова, А. А. Петров, Е. Е. Смирнова, М. А. Кудрявцева.</i> Презентационные жесты в оценочном позиционировании у говорящих на русском и бразильском португальском языках.....	32
<i>А. Б. Колесникова, Ю. В. Николаева.</i> Жестикуляция во время пауз в речи при афазии.....	43
<i>Н. А. Коротаев.</i> Как участники диалога (не) апеллируют к собеседнику при совместном построении.....	46
<i>А. В. Леонтьева, Т. М. Макунина.</i> Проявление креативности в русском жестовом языке: метафора, метонимия и метафтонимия.....	49
<i>А. А. Махова, С. О. Савчук.</i> Мультимедийный параллельный корпус сегодня: проблемы и перспективы развития.....	54

<i>Ю. В. Николаева, М. П. Игнатенко.</i> Паузация и просодия речи при афазии (на материале русского языка).....	58
<i>В. И. Подлесская.</i> Просодический портрет сочиненной группы.....	61
<i>О. Н. Прокофьева, А. Д. Буцык.</i> Полимодальный анализ слияния перспективы в post-hoc нарративе игрока.....	65
<i>Н. В. Сухова.</i> “We haven’t talked about this much”: жестовое сопровождение риторического отношения «фон» в англоязычном академическом дискурсе.....	70
<i>О. В. Федорова.</i> Русские «Репортажи о грушах»	76
<i>Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева.</i> Голова и жест в текстах поэтов Серебряного века.....	80
<i>Е. Я. Шклярук.</i> Просодические особенности прагматических маркеров-ксенопоказателей <i>такой</i> и <i>видишь ли, видите ли</i>	86
<i>Т. Е. Янко.</i> Просодия парадоксального положения дел. Крутой подъем	90

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА ДРУГИЕ ЯЗЫКИ*

Н. В. Богданова-Бегларян

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
n.bogdanova@spbu.ru*

Под *прагматическими маркерами* (ПМ) в работе понимается класс функциональных единиц устного дискурса, которые встречаются в речи всех говорящих, употребляются ими практически неосознанно, на уровне речевого автоматизма; они стали результатом *прагматикализации* полноценных речевых единиц¹, утратили при этом свое исходное лексическое и/или грамматическое значение и приобрели прагматическое [Богданова-Бегларян 2021: 13]. ПМ никак не связаны с содержанием речи и выполняют в дискурсе только определенные *функции*: маркируют начало или конец реплики или монологического текста, смену темы или коммуникативной стратегии (разграничители *значит, ну вот, всё* и под.), вводят в повествование чужую речь (в широком ее понимании) (ксенопоказатели *такой/ая/ие, типа (того что), грю/грит/грим/грите* и под.), вербализуют заминку или колебания говорящего (хезитативы *это самое, как его (её, их), там* и под.), его рефлексия по поводу сказанного или готовящегося к произнесению (рефлексивы *или как там? или как сказать? или кто?* и «упреждающие» рефлексивы типа *скажем так*) или самокоррекцию (*это, это самое*), отмечают мета-комментирование речи (мета-коммуникативы *знаешь, понимаешь, да, (я) не знаю, что ещё?* и т. п.) [там же: 28-33]. Эти высокочастотные единицы нашей речи только в самое последнее время попали как класс в поле зрения лингвистов-исследователей, избавились от уничижительных наименований типа «слова-паразиты», «лишние частицы», «словесный мусор» и под. и даже были собраны и описаны в специальном словаре [ПМ 2021].

В. фон Гумбольдт описывал речевой акт как стихийное противоборство, драматический конфликт между мыслью и ее речевым воплощением: «Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот

¹ Подобные взаимоотношения между маркерами и внешне соответствующими им полнозначными лексическими единицами рассматриваются Б. Фрезером как *омофония* [Fraser 2006].

невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие» [Гумбольдт 1984: 278]. И именно ПМ позволяют исследователю увидеть это «противоборство», проследить сам механизм порождения речи, «заглянуть в подсознание» и увидеть, какими прихотливыми путями порой вербализуется человеческая мысль, что и делает эти единицы чрезвычайно интересным объектом лингвистического анализа.

Однако исследование прагматических маркеров сопряжено со значительными трудностями, поскольку их прагматическое значение выявляется только в контексте, ср.: «Слово, взятое вне контекста, несет неопределенную информацию и обладает лишь потенциальным значением» [Новиков 1967: 21]. Эти сложности обнаруживаются прежде всего в ходе разметки и обработки корпусного материала, и не только автоматической, но даже и ручной (см. об этом, например: [Zaides et al. 2022]), что вынуждает искать диагностирующие признаки ПМ, отличающие их от обычных слов — например, на уровне просодии и жестов [Богданова-Бегларян 2023].

С не меньшими сложностями, связанными с ПМ, сталкиваются и переводчики русских художественных текстов, в которых персонажи, стараниями авторов, зачастую говорят именно так (или близко к тому), как говорят носители языка в повседневном общении, то есть с использованием разнообразных ПМ. Данные единицы помогают автору создать реальный речевой портрет того или иного героя, и без их сохранения невозможно достичь адекватности перевода на другие языки. Очевидно, что «для достижения нужной адекватности необходимо иметь не только инвентарь средств создания (имитации) такой разговорности (в частности, полный и систематизированный реестр ПМ) в русском языке, но и набор аналогичных средств в других языках. Пока эта задача очень далека от решения, что отражается на качестве существующих переводов» [Богданова-Бегларян 2026]. Первый опыт анализа корпусного материала в этом направлении, во-первых, позволяет убедиться в справедливости данного вывода, а во-вторых, обнаруживает универсальность данной проблемы для разных языков и близость тех стратегий, или приемов, перевода, которые используют переводчики, сталкиваясь в художественных текстах с ПМ в речи персонажей.

Так, анализ переводов русского вербального хезитатива *это самое* на китайский, сербский, финский и английский языки [Sun Xiaoli

2021; Тимотийевич 2023; Osmak 2024; Лавренова 2026] выявил весьма сходную картину – см. табл. 1.

Таблица 1. Приемы перевода русского прагматического маркера ЭТО САМОЕ на другие языки (в %)

Прием перевода	Китай-ский	Серб-ский	Фин-ский	Англий-ский
ПМ → ПМ	20,0	40,0	66,6	-
Опущение ПМ с передачей его функции другими словами	2,5	-	-	13,3
Опущение ПМ	25,0	9,0	22,2	53,3
ПМ → значимые единицы (буквальный перевод компонентов маркера)	52,5	48,0	11,1	33,3

Маркер *это самое* имеет ранг 11 из 60 единиц частотного словника ПМ и, кроме хезитации, может еще реализовать функции самокоррекции и разграничительного маркера всех трех типов: стартового, навигационного и финального [ПМ 2021: 435–458].

Из таблицы 1 видно, что для передачи ПМ *это самое* переводчики использовали 4 приема перевода, самым удачным из которых является (1) подбор адекватного маркера в принимающем языке (**ПМ → ПМ**). Лучше всего это получилось у финского переводчика (66,6%), который использовал для передачи ПМ *это самое* три разных маркера: *tuota* (33,3%), *sitä* (22,2%) и *siis* (11,1%). Совсем пока не нашлось аналогов этому ПМ в английском языке¹, и нашлось довольно много в сербском. При этом самым частотным оказался сербский ПМ *овај* (31,2% в материале исследования), из девяти маркеров семь (*овај*, *само*, *баш*, *па*, *бар(ем)*, *ето*, *онда*) можно рассматривать как прагматические маркеры — партикулы, а два (*то исто*, *то јест*) — как дискурсивные маркеры (союзы) (о различии дискурсивных и прагматических маркеров см. [Богданова-Бегларян 2021: 14-15]).

¹ Именно *пока* не нашлось: работа с английскими переводами в рассматриваемом отношении только началась, и не исключено, что расширение материала позволит получить более точные данные.

Менее удачным следует признать (2) опущение маркера с **передачей его функции** (прежде всего хезитации) **другими средствами**: от лексических единиц до постановки обычного многоточия. Очевидно, что в этих случаях переводчик увидел заминку, речевой сбой или хезитационный поиск в речи персонажа, но не сумел подобрать для этой ситуации подходящего аналога в другом языке. Чаще всего это обнаружилось как раз в английских переводах (13,3%), и совсем не нашлось в сербских и финских (может быть, тоже — пока).

Неудачным является (3) полное **опущение маркера**, что оказалось очень частотно (53,3%) в английских переводах и достаточно частотно — в китайских и финских (25,0 и 22,2% соответственно). Можно предположить, что переводчик все же почувствовал некоторую «инородность» данной единицы, но не понял, что с этим делать, — и просто проигнорировал ее.

Наконец, совсем неудачным является (4) **перевод ПМ значимыми словами** (буквальный перевод его компонентов), что зачастую полностью искажает смысл фразы. Такие ситуации обнаружались более чем в половине китайских переводов (52,5%), почти в половине сербских (48,0%) и в трети — английских (33,3%). Менее всего этим «грешат», как показал анализ материала, финские переводчики (11,1%). Приведем некоторые примеры.

В контекстах (1) – (2) можно видеть прием перевода маркера *это самое* (на английский и китайский языки) с опущением ПМ, но с передачей его хезитационно-поисковой функции другими средствами: вокализациями или многоточиями.

(1) *И вот таких психов у нас, в Сибири... это самое... таперича много, очень много...* [В.Г. Сорокин. Путь Бро (2004) / Jamey Gambrell (перев.)];

**These are the kinds of lunatics we have here in Siberia... this, uh... nowadays there are many, quite a few;*

*** Вот такие вот сумасшедшие у нас здесь, в Сибири... таких, э-э... сейчас их много, довольно много.*

В русском тексте (1) ПМ *это самое* выступает в функции хезитационного поиска и сопровождается запинками говорящего, которые автор передал с помощью многоточий. В английском переводе обнаруживается указательное местоимение (*this*) и единица хезитационного поиска (*uh*), похожая по функции в данном контексте на русское э-э-э; сохранены и многоточия (см. буквальный обратный перевод **).

(2) *Вот что, брат, я слышал, ты там ругаешься сильно... вот что, твоей трудовой школе дали это самое... губсовнархоз...* [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933) / Лэй Жань (перев.)];

* *喂, 老弟, 我听说你在大骂..... 说竟把这个省人民经济委员会给你的劳动学校做校址.....;*

** *Эй, дружище, я слышал, ты ругался... говорил, что Провинциальная народная экономическая комиссия отдала тебе в качестве кампуса трудовое училище...*

В русском тексте (2) ПМ *это самое* также выступает в функции хезитационного поиска и также сопровождается запинками говорящего, которые автор и на этот раз передал с помощью многоточий. В китайском переводе ПМ полностью опущен, но многоточия сохранены (см. буквальный обратный перевод **).

В примерах (3) – (5) представлены неудачные переводы ПМ с буквальной передачей на другом языке — английском, китайском и сербском — компонентов маркера.

(3) *Номер был, да помер он тогда же. Она сказывала: как привезли, а он и кончился. — Кто она? — А самая, эта женщина, в Скородном жила* [Л.Н. Толстой. Воскресение (1899) / William E. Smith (перев.)];

* *Yes, there was a number, but the baby died, — she said. — It died as soon as she brought it there. — Who is she? — That same woman who used to live in Skorodno;*

** *Та самая женщина, которая раньше жила в Скородном.*

В переводе русского текста (3) на английский язык хезитация полностью отсутствует, маркер заменен комбинацией указательного и определительного местоимений, т. е. смысл предложения поменялся на противоположный: вместо неопределенности и колебаний говорящего дана отчетливая определенность (*та самая*) (см. буквальный обратный перевод **).

(4) *А сейчас он, это самое, мясо варит* [Ч. Айтматов. Белый пароход (1970) / Ли Ган (перев.)];

* *这会儿他正在烧肉呢, 真的;*

** *Сейчас как раз готовят мясо.*

В переводе русского текста (4) на китайский язык видим такую же ситуацию: ПМ опущен, вместо хезитации — уверенная

определенность, переданная выражением *как раз* (= ‘именно, точно’) (см. буквальный обратный перевод **).

(5) *Ты не бойся, я с этим самым...* [Р. Сенчин. Афинские ночи // «Знамя», 2000]¹;

**Али не бој се, ја сам са тим...*

** *Но не волнуйтесь, я с вами согласен...*

В переводе русского текста (5) на сербский язык опущение ПМ и использование значимых слов полностью изменило смысл фразы. Ситуацию, как представляется, не спасает даже сохранение авторского многоточия (см. буквальный обратный перевод **).

В таблице 2 показаны приемы перевода русских прагматических маркеров-аппроксиматоров (*или там, как бы, вроде*) на китайский и японский языки (в последнем случае – только маркера *или там*) (подробнее см.: [Сян Янань, Богданова-Бегларян 2024; Птицына 2026]).

Таблица 2. Приемы перевода русских прагматических маркеров-аппроксиматоров ИЛИ ТАМ, КАК БЫ, ВРОДЕ на другие языки (в %)

Прием перевода	Китайский	Японский
ПМ → хедж (опущение ПМ с передачей его функции другими словами)	51,9	36,4
Опущение ПМ	17,4	54,5
ПМ → значимые единицы (буквальный перевод компонентов маркера)	28,6	9,1

Из таблицы 2 видно, что в японских переводах русского ПМ *или там* он чаще всего (54,5%) полностью опускается, а в китайских (для всех трех проанализированных аппроксиматоров) – заменяется хеджем (от англ. *Hedge* – ‘уклонение от прямого ответа, страховка’), то есть словом с семантикой неопределенности, приблизительности (51,9%). Адекватного маркера, соответствующего самому удачному приему перевода (ПМ → ПМ), ни в одном из рассмотренных языков (пока) не нашлось, а наиболее удачным приемом из числа выявленных можно признать замену ПМ тем или иным хеджем, который также способен выполнять в тексте функцию аппроксимации. Рассмотрим несколько примеров.

¹ В сербском материале переводчики не указаны.

- (6) Из синода новое прошение прислали, вставить в ектинью, **или там какое-то** моление заздравное, не хочу врать [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945-1955) / Чжан Пинхэн (перев.)];

* 主教公会也写了新的呈文, 要增加一次祷告, 为他的健康祈, 我可哄你;

** Совет епископов также подал новое ходатайство с просьбой дополнительно помолиться за его здоровье. Я не шучу.

В русском тексте (6) использованы и ПМ *или там*, и хедж *какое-то* — вместе они передают неуверенность говорящего в том, о чем он говорит. В китайском переводе, где ПМ остался непереведенным, от этой неуверенности не осталось и следа (см. буквальный обратный перевод **).

- (7) *Может, ту, где медведи задом, значит, трутся об земную ось или там обо что-то еще?* [В. Распутин. Последний срок (1970) / Юй Хун (перев.)];

* 也许是那首吧? 里面唱的是一群熊用后蹄站起, 踩着地球的轴, 或者踩着什么别的来着?

** *Может быть, дело в той песне? Она про группу медведей, стоящих на задних лапах и наступающих на земную ось, или что-то в этом роде.*

В контексте (7) снова использована комбинация ПМ *или там* и хеджа *обо что-то ещё*, а в китайском переводе, где ПМ опущен, неуверенность по поводу конкретного объекта (*земная ось*) заменена в результате общей неуверенностью в содержании песни (см. буквальный обратный перевод **).

- (8) *Ждет мой Копейкин часа четыре, как вот входит наконец адъютант или там другой дежурный чиновник* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842) / Хираи Хадзимэ (перев.)];

* コペイキンがちょうど四時間ばかり待ったところへ、ようやく当直の役人が入って来て《...》;

** *Прождал Копейкин около четырех часов, когда наконец вошел дежурный чиновник «...»*

В контексте (8) при переводе на японский язык маркер-аппроксиматор *или там* полностью опущен, при этом его функция не компенсируется никакими другими языковыми средствами (см. буквальный обратный перевод **).

(9) *Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, черт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная; там ищи эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения, – словом, Семирамида, судырь, да и полно* [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842) / Хираи Хадзимэ (перев.)];

* *создайте, икинариあのネフスキ通りや、あの素晴らしいゴローホワヤ街や、それからリテイナヤ街が現われたんですからねえ。高い高い尖塔が空にそびえており、橋梁はまるで神業のように、全然脚柱というものなしに架っている、つまりセミラミダの天の浮橋そっくりなんですよ、君！*

** *Так ведь, вдруг появляются или Невский проспект, или та великоленная Гороховая, или же Литейная. Высокие-высокие ипили возвышаются в небе, мосты, совсем как чудо божественное, совершенно без опор возведены, иначе говоря, точно небесный висячий мост Семирамиды, сударь!*

В контексте (9) в первом случае употребления ПМ переводчик, вероятно, воспринял *там* буквально, как указательное слово, поэтому в переводе появляется указательное местоимение *あの* – *та*. Кроме того, было добавлено описание одного из компонентов сравнения прилагательным *素晴らしい* — *великоленная*, чего в тексте оригинала не было. Это пример буквального перевода маркера с искажением изначального смысла (см. буквальный обратный перевод **). Во втором случае ПМ *или там* был опущен и заменен на вводное слово *それから* — *затем*, что тоже нельзя считать примером удачного перевода.

Приведенные иллюстрации и количественные данные, как представляется, с убедительностью показывают, что проблема перевода русских прагматических маркеров на другие языки в лингвистике определенно существует. Отказ от перевода таких незначительных с точки зрения смысла, но важных в функциональном отношении (прагматически нагруженных) единиц, какими являются ПМ, может привести к существенным «потерям» на уровне общей стилистики исходного текста и создания речевого портрета говорящего. Еще «опаснее» буквальный перевод компонентов маркера, что зачастую приводит к полному искажению смысла фразы. Наиболее удачным переводом во всех случаях могло бы быть использование адекватных единиц в принимающем языке, что ставит новые задачи и перед

переводоведением, и перед лингвистикой в целом. Можно даже поставить глобальную задачу создания серии двуязычных словарей прагматических маркеров, что было бы полезно и в теоретическом отношении (коллоквиалистика, когнитивистика, переводоведение), и во многих прикладных аспектах (практика перевода и преподавания русского языка как иностранного, совершенствование систем автоматической обработки естественного языка, автоматической разметки речевых корпусов и искусственного интеллекта).

Литература

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5-52.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: интонационное оформление и жестовое сопровождение (к постановке проблемы) // Фонетические этюды. Сб. статей в честь 70-летия профессора П. А. Скредина / Науч. ред. В. В. Евдокимова, У. Е. Кочеткова, Е. А. Шамина. СПб.: Скифия-принт, 2024. С. 42-46.

Богданова-Бегларян Н. В. Об одной разновидности функциональных единиц устного дискурса: прагматические маркеры русской речи // Системные аспекты функционально-грамматических категорий / Ред. М. Д. Воейкова. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2026. В печати.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // *В. фон Гумбольдт.* Избранные труды по языкознанию / Пер. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. С. 37-297.

Лавренова Е. С. Приемы перевода русского прагматического маркера ЭТО САМОЕ на английский язык (на материале речи персонажей художественных произведений) // Сб. тезисов: XXIX Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ (ОКСФ 2026). 20-25 апреля 2026 года. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2026. В печати.

Новиков Л. А. Некоторые аспекты описания лексики // Русский язык за рубежом. № 1, 1967. С. 19-24.

ПМ – Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Птицына З. В. Приемы перевода русского прагматического маркера ИЛИ ТАМ на японский язык (на материале разговорной речи персонажей художественных произведений) // Сб. тезисов: XXIX Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ (ОКСФ 2026). 20-25 апреля 2026 года. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2026. В печати.

Тимотийевич М. Русский прагматический маркер хезитационного поиска ЭТО САМОЕ и способы его перевода на сербский язык // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ – 2022». М.: МАКС Пресс, 2022 (https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2022) [Электронный ресурс].

Сян Янань, Богданова-Бегларян Н. В. О китайских переводах прагматических маркеров-аппроксиматоров русской повседневной речи (на материале речи персонажей в художественных текстах) // Oriental Studies. 2024, № 2. С. 427-440.

Fraser, B. Towards a Theory of Discourse Markers // Approaches to Discourse Particles. Studies in Pragmatics, 1 / K. Fischer (ed.). Oxford: Elsevier, 2006. Pp. 189-204.

*Osmak N. A. Translating Russian Pragmatic Markers into Finnish: The *eto samoe* Case // Communication Studies (Russia). 2024. Vol. 11. No 1. Pp. 74-86.*

Sun Xiaoli. The Ways of Translating Pragmatic Marker ETO SAMOE (Based on the Material of Parallel Russian and Chinese Literary Texts) // Communication Studies. 2021. Vol. 8. No 2. Pp. 323-332.

Zaides, K., Gorbunova, D., Popova, T., Bogdanova-Beglarian, N. Pragmatic Markers and Personality: Approaches, Methods, and Techniques of Analysis // Язык и культура в глобальном мире. Сб. статей. СПб.: Лема, 2022. С. 457-464.

* Исследование поддержано грантом РНФ (проект № 22-18-00189-П «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

ИСТОЧНИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ И ЕЕ ОТРИЦАНИЯ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ*

С. И. Буркова

*Институт языкознания РАН
(Москва, Россия)
burkova_s@mail.ru*

Русский жестовый язык (РЖЯ) располагает богатым арсеналом жестов, служащих для выражения модальности возможности и ее отрицания. Выбор того или иного жеста обусловлен как типом выражаемой возможности (внутренняя, внешняя недеонтическая, деонтическая, эпистемическая), так и более тонкими оттенками модальной семантики. В докладе будут обсуждаться жесты, относящиеся к семантической зоне агентивной (не-эпистемической) возможности.

Исследование, основанное на данных корпуса РЖЯ, эlicitации, интервью с носителями языка и исторических источниках, показывает, что процессы грамматикализации этих показателей в РЖЯ обнаруживают как типологические параллели со звуковыми языками, так и специфику, обусловленную визуально-пространственной природой жестовых языков.

Внутренняя возможность выражается при помощи жестов МОЧЬ₁ и НАЙТИ. Оба жеста основаны на визуальной метафоре схватывания, присвоения «брать, получать → мочь/суметь». Сам семантический переход находит типологическое подтверждение в звуковых языках, где глаголы со значением ‘брать, получать’ тоже могут грамматикализироваться в показатели возможности [Heine, Kuteva 2002: 143–144, 194; Bybee et al. 1994: 190–191].

Для отрицания внутренней возможности используются три жеста: НЕ.МОЧЬ₁, НЕ.МОЧЬ₂ и НЕ.МОЧЬ₃. Первый и третий из них (НЕ.МОЧЬ₁ и НЕ.МОЧЬ₃), вероятно, восходят к жесту JAMAIS ‘никогда’, заимствованному из французского жестового языка (LSF). В РЖЯ этот жест далее развивался двумя путями: через присоединение и морфологизацию отрицательного жеста NEG в случае НЕ.МОЧЬ₁ и

редупликацию в случае НЕ.МОЧЬ₃. Жест НЕ.МОЧЬ₂ основан на визуальной метафоре, иконическом образе непреодолимой преграды.

Внешняя недеонтическая возможность выражается жестами МОЧЬ₂ и НАЙТИ. Жест МОЧЬ₂, по-видимому, восходит к пантомимическому жесту ‘силач’, через посредство LSF, в котором он сначала грамматикализировался в показатель модальности возможности [Brouland 1855], а далее был заимствован в РЖЯ и некоторые другие языки, принадлежащие к французской семье жестовых языков (см., например, [S. Wilcox, P. Wilcox 1995; Janzen, Shaffer 2002]).

В семантической зоне отрицания внешней возможности функционируют пять жестов: НЕ.МОЧЬ₁, НЕ.МОЧЬ₂, НЕ.МОЧЬ₃, а также МОЧЬ.NEG и НЕ.МОЧЬ₄.

Жест МОЧЬ.NEG, по-видимому, образован путем аффиксации от жеста МОЧЬ₂. Жест НЕ.МОЧЬ₄, как и НЕ.МОЧЬ₂, иконически изображает препятствие, барьер.

Деонтическая возможность выражается жестами МОЧЬ₂ и СВОБОДНЫЙ. Судя по его описанию в [Братолюбов 1872: 78], жест СВОБОДНЫЙ эволюционировал от иконического изображения разрывания оков к форме с дактильной конфигурацией -О, по-видимому, под влиянием слова *освобождать* русского звукового языка.

Для отрицания деонтической возможности используются жесты МОЧЬ.NEG и ЗАПРЕЩЕНО. Форма последнего, судя по его описаниям в [Флери 1835: 191; Гейльман 1957: 214], восходит к жестикуляции слышащих (жест угрозы /запрета).

Таким образом, формирование модальных показателей в РЖЯ определялось взаимодействием универсальных когнитивных механизмов и уникальных возможностей визуальной модальности.

Литература

Братолюбов А. Я. Пантомима молитв, или: Описание мимических молитвенных знаков. Опыт законоучителя Санкт-Петербургского училища глухонемых, протоиерея Александра Братолюбова. С приложением ручной азбуки. СПб., 1872.

Гейльман И. Ф. Ручная азбука и речевые жесты глухонемых. М.: КОИЗ, 1957.

Флери В. И. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способностям образования, самым свойственным их природе. СПб., 1835.

Brouland J. Explication du tableau spécimen d'un dictionnaire des signes du langage mimique, mettant toute personne en état de l'apprendre seule. Paris: Boucquin, 1855.

Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.

Heine B., Kuteva T. World Lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

Janzen T., Shaffer B. Gesture as the substrate in the process of ASL grammaticalization // *Modality and Structure in Signed and Spoken Languages.* Meier R. P., Cormier K., Quinto-Pozos D. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. P. 199–223.

Wilcox S., Wilcox P. The gestural expression of modality in ASL // *Modality in grammar and discourse.* Bybee J., Fleischman S. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 135–162.

Wilcox S., Shaffer B. Modality in American Sign Language // *The Expression of Modality.* Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 207–238.

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения: русский звучащий и русский жестовый язык» (номер государственного учета ЕГИСУ НИОТКР 125032004223-6, 2025-2027 гг.) в Институте языкознания РАН.

ОТКРЫТЬ ГЛАЗА / ЗАКРЫТЬ ГЛАЗА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПОВСЕДНЕВНОМ ДИСКУРСЕ

М. Н. Грищаченко

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
mn.roik@yandex.ru

Одним из характерных свойств фразеологических единиц (ФЕ) является, как известно, их склонность к трансформациям, ср.: «В речи постоянно наблюдаются спонтанные преобразования значения и формы ФЕ, обусловленные их функционально-семантическими свойствами как особых экспрессивных единиц языковой номинации, способных отражать в своей смысловой структуре специфику единичных предметов и ситуаций» [Мелерович, Мокиенко 2001: 13]. В ходе таких перевоплощений ФЕ могут радикально менять смысл, утрачивать связь с источником, даже если он был известен говорящему.

Одна из причин, почему библейские фразеологические выражения (БФВ) в современном дискурсе часто теряют связь с источником, несмотря на то, что он, в отличие от многих ФЕ, точно определен, является специфика их внутреннего образа — метафоры. Например, БФВ *нет (нест) пророка в своем отечестве, нести крест, раскаться во всех грехах* и некоторые другие имеют достаточно прочную связь с Библией, так как в основе этих выражений лежит **образ**, вызывающий определенные устойчивые ассоциации. То же касается БФВ, в составе которых есть имена собственные (*Мафусаиловы лета, жить Вальтасаром*), потому что у носителей языка с высоким уровнем речевой компетенции такие выражения непременно вызывают ассоциации с Библией, а тем, кто мало знаком с этим источником, они не позволяют, основываясь только на имени и опираясь на внутреннюю форму, определить коннотации.

Другие БФВ, которые не имеют яркого внутреннего образа, нередко даже у носителей языка вызывают удивление, когда они вдруг узнают, что выражение, которое они часто и не задумываясь используют в своей речи, оказывается, восходит к Библии.

Одним из таких БФВ является выражение *открыть глаза*, которое означает «показывать истинное положение вещей тому, кто представляет его себе ложно, рассказывать правду» [Мокиенко 2017: 51]; «выводить кого-либо из заблуждения или из состояния неведения, помогая правильно понять истинное положение вещей» [Федоров 2008]. Это БФВ восходит к евангельским событиям и имеет связь с прозрением слепых, как одним из знамений пришествия мессии (например, в Мф 20:33, *Они говорят Ему: Господи! чтобы **открылись глаза наши***), хотя идея ‘прозрения’ встречается и в Ветхом Завете, где это БФВ грамматически функционирует по-разному. Ср.: *Тогда **откроются глаза** слепых, и уши глухих отверзнутся* (Ис 35:5); *И Бог **открыл глаза** ее, и она увидела колодезь с водою, и пошла, наполнила мех водою и напоила отрока* (Быт 21:19). Получается, что в Библии *открыть глаза* может только Бог или же они *открываются* по его воле.

В свободном употреблении, то есть вне прямого цитирования Библии, но со ссылкой на нее, выражение можно обнаружить уже в исторических подкорпусах НКРЯ [www.ruscorpora.ru], например:

- (1) *Ныне же, егда отогналъ еси ихъ, воистинну образумился еси, сирѣчь во свой разумъ пришел и **отворил еси себе очи**, зряще уже свободно на все свое царство яко помазанецъ Божий, и никтоже ин, точно самъ един тое управляюще и имъ владѣюще* [Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564-1583)].

Уже здесь видно ослабление богословских коннотаций: глаза открывает не Бог князю, а князь сам себе (во всяком случае это обусловлено грамматически).

В основном подкорпусе НКРЯ появляются употребления, близкие к современному. Самое раннее из них относится к концу XVIII в.:

- (2) *Ежели вы сие описание напечатаете, то, может быть, сим **откроете глаза** некоторым господам и господам, так что они сами прежним своим заблуждениям дивиться станут* [Н.И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть II (1775)].

И, несмотря на то что это выражение в современных словарях сохраняет указание на Библию как на источник, его богословские коннотации еще более ослабевают. Рассмотрим несколько примеров из устного (УП) и сетевого (ССети) подкорпусов НКРЯ:

- (3) Каплинский Владимир: *И мой долг / хоть как-то людям **открыть глаза** на свой край и через это привить любовь / любовь к своему краю / любовь к России в целом [УП];*
- (4) vladkor, *Чувствую себя компьютерным гением! Спасибо за **открытые глаза**. РЕБЯТ, а нет ли у кого возможности помочь (или подсказать куда) устроить ребенка 3,5 лет на занятия спортивной гимнастикой [ССети];*
- (5) *для чего? очень жаль что ты так и **не открыла глаза**, надеюсь у тебя все будет хорошо, сможешь купить сахара, поесть Макдональдс, или может самостоятельно выбрать президента [ССети];*
- (6) *Воспитывай себя, **открой глаза**, перестань быть бараном! [ССети];*
- (7) *Это же Очевидно что не графика.. ну **откройте глаза шире** [ССети].*

В контекстах (2)–(7) глаза открывает не Бог, а люди, события; причем открыть глаза можно не только кому-то, но и самому себе. Кроме того, появляется предложное управление, как в примере (3), которое уточняет *на* что именно открывают глаза. По приведенным контекстам можно видеть, что рассматриваемый БФВ функционирует как обычный фразеологизм, претерпевая различные грамматические, морфологические и синтаксические трансформации: он может быть употреблен в форме императива (6) и (7), причастия (4), с отрицанием (5). Кроме того, пример (7) показывает расширение компонентного состава БФВ за счет использования интенсификатора *шире* (в контексте подчеркнуто).

Кроме того, БФВ встречается и в форме *открывать глаза*, которая может изменяться по тем же грамматическим и иным принципам (интенсификаторы снова подчеркнуты):

- (8) *Может быть / потому что я стараюсь быть современным человеком и широко открываю глаза / я вижу вокруг денежную проблему. И меня всегда умиляло / что та проблема предательства / как она формулировалась / начиная с того же Жозефа / все время была очень тесно связана с деньгами. [УП];*
- (9) *Стас: Если деньги / которые мы перечислили наверх / в какой-то факультетский / групповой фонд / тратятся не так / мы*

*отзываем и деньги вместе с делегатом. Был такой проект. Абсолютно революционный для тогдашнего мировосприятия советского человека. Но мы **честно открывали глаза** и говорили / мы комсомольцы / мы хотим комсомол реформировать / у нас перестройка в стране. [УП];*

- (10) Автор **открывает глаза** на многие скрытые аспекты моды. [ССети].

Интересно, что в языке, где достаточно часто носители не связывают это выражение с Библией, возникает похожая ФЕ, которая получает широкое употребление и входит в словари, — **закрыть глаза** — в значении ‘намеренно не обращать внимания, не реагировать’ [Телия 2006].

Жест ‘закрыть глаза’ воспринимается как нежелание видеть, замечать что-то неугодное. При этом в словаре тоже дана ссылка на Библию: *Ухо слышащее и глаз видящий и то и другое создал Господь* (Притч. 20:12). Комментарии объясняют этот стих следующим образом: Бог дал человеку два важных органа чувств — глаза и уши, чтобы тот использовал их благочестиво, то есть эти органы не должны воспринимать все, что может осквернить человека [Bible Hub]. Таким образом, идея стиха из Притч о нежелании воспринимать неугодную информацию, если отбросить богословские коннотации, будет похожа на современное значение ФЕ **закрыть глаза**.

ФЕ **закрыть глаза** тоже имеет форму **закрывать глаза** и функционирует похожим образом, что можно видеть в следующих примерах:

- (11) *Вадим Маркович Розин: Но Щедровицкий попросил/ чтобы/ как говорится/ люди **закрыли глаза** на то/ что у меня ещё диплома нет... [УП];*
- (12) *№4: В Интернете прочитала / там о нём побольше написано. Все его махинации можно посмотреть / какие. №9: Долгое время **закрывали глаза** / и / бах / глаза открылись / и виноват / надо его сажать. №4: Органы разбираются. Если он виноват / то виноват [УП];*
- (13) *Если б кто-то пытался сломать мой маленький мирок, я бы наверное тоже боролась из-за всех сил **закрыв глаза** на родственные связи [ССети];*

(14) *Я говорю про ощущения, как пользователь этого перевода, я **закрываю глаза** на неточность, но когда ты через месяц не можешь уже слушать этот прекрасный голос девушки или мужчины, ну такое [ССети].*

Как и БФВ *открыть глаза*, ФЕ *заккрыть глаза* трансформируется грамматически, морфологически и синтаксически, а также имеет похожее предложное управление: *заккрыть глаза* можно на что-то. Пример (11) содержит маркер «нетривиальности» *как говорится*, что указывает на то, «что говорящий <...> чувствует “нетривиальность” того, что произнес <...>, и маркирует это специальными единицами из репертуара прагматем-рефлексивов» [Богданова-Бегларян 2017: 2]. Происходит это, предположительно, потому, что ФЕ имеет определенную стилистическую окраску, не характерную для конкретной коммуникативной ситуации. Интересным является пример (12), который показывает, что БФВ и ФЕ могут использоваться в паре, что указывает на возможную связь между ними в сознании говорящего.

Стоит обратить внимание на то, что в словарях семантика этой ФЕ связывается с внутренней формой, то есть она основана буквально «на жестовой (мимической) символизации поведенческого акта» [Телия 2006: 226]. «В научных исследованиях по семантике роль внутренней формы в формировании значений вполне осознавалась, и во многих случаях экспликация внутренней формы ощущалась как совершенно необходимая» [Баранов, Добровольский 2026: 151]. «Семантическая сущность коннотаций прямо связана со сравнением» [там же], что позволяет отнести ФЕ *заккрыть глаза* к тем, чье значение, очевидно, диктуется внутренней формой: ‘не знать, не обращать внимания, будто закрыл глаза’. Это в большей степени указывает на самостоятельный характер ФЕ, чем на связь с Библией.

Любопытно, что носитель языка может аналогичным образом понимать БФВ *открыть глаза*, то есть основываясь на поведенческом акте: *открыть глаза*, *увидеть* и таким образом *узнать*. Получается, что два похожих выражения, которые напрямую друг с другом не связаны и имеют разную связь с Библией (БФВ *открыть глаза* встречается буквально и неоднократно, в то время как ФЕ *заккрыть глаза* отражена, скорее, в форме идеи), функционируют в повседневно-

ном дискурсе похожим образом и могут осмысляться говорящими как родственные, семантика которых в большей степени определяется внутренней формой, а не их источником.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: ФЛИНТА, 2026. 316 с.

Богданова-Бегларян Н. В. «Нетривиальное» в нашей речи: взгляд с позиции говорящего // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. Вып. 5. С. 1–7.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. М.: Русские словари, Астрель, 2001. 856 с.

Мокиенко В. М. Библизмы в современной русской речи: как их правильно понимать и употреблять. М.: Центрполиграф; СПб.: Рус. тройка-СПб., 2017. 236 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.01.26).

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. — М.: Астрель, АСТ. А. И. Фёдоров. 2008. [Электронный ресурс]

Телия Е. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: Ридерз-Дайджест. 2012. 784 с.

Bible Hub: Search, Read, Study the Bible in Many Languages. URL: <https://biblehub.com.> [Электронный ресурс]

ЖЕСТЫ ГОЛОВЫ В ДИАЛОГЕ (С РЕАЛЬНЫМ И ВООБРАЖАЕМЫМ СОБЕСЕДНИКОМ) НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСОВ RUPEX И SAFE. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

А. А. Евдокимова

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

arochka@gmail.com

Традиционно в качестве одной из особенностей использования жестов головы в диалоге по сравнению с монологами называют увеличение числа ритмических жестов и регуляторных, чаще представленных в виде поворотов [Kendon 1972; Hadar, Steiner, Clifford 1983; Hadar, Steiner, Clifford 1985; Ishi, Ishiguro, Hagita 2008; Ishi, Ishiguro, Hagita 2014; Гришина 2017; Danner, Krivokapić, Byrd 2021]. При этом в отличие от монолога значимым фактором для анализа жестов цефалического канала в диалоге оказывается учет дизайна видео или эксперимента, в тех его аспектах, которые влияют на зону коммуникации [Гришина 2017].

В качестве материала для анализа была создана выборка из корпуса CAFE [Евдокимова 2024a], в которую вошли видеоролики разного размера, записанные как с реальных занятий, так и снятые специально для обучения онлайн или по видео (10 видео, 3 ч.), и интервью (4 видео длительностью 3,5 часа). Для сравнения было подобрано 10 обучающих видеороликов российских педагогов фламенко, опубликованных ими в соцсетях (2,5 ч.). А также использовался материал эталонного подкорпуса RUPEX (22, 4, 23 запись) и 5 рилсов блогера Нурия ([howtonuria](https://www.instagram.com/howtonuria)) для верификации жестов головы, являющихся универсальными для русского и испанского языков в ситуации диалога. Весь материал размечался в программе ELAN по методике, разработанной нами ранее для корпуса RUPEX (см. [Sukhova, Evdokimova, Евдокимова 2024б]) и уже апробированной на испаноязычном материале [Евдокимова 2025а, Евдокимова 2025б, Евдокимова 2025в]. На данном этапе исследования анализировались только жесты говорящего, что позволило включить в наш разбор монологи, которые ориентированы на воображаемого собеседника.

С точки зрения проксемики, весь указанный объем данных можно разбить на несколько групп: 1) закрепленные позиции для

участников диалога, с минимальным перемещением (эталонный подкорпус RUPEX, фрагменты видео со статичными объяснениями на камеру, интервью); 2) переменные позиции участников: а) с движением одного из них (видео педагогов, снятые на статичную камеру, фиксирующую перемещение в диапазоне, второй участник чаще всего воображаемый, находящийся за экраном камеры), б) с движением всех участников в процессе коммуникации (педагоги снимаются с учениками, фактически показывая фрагмент своего реального урока).

Для части рассматриваемого материала значимым отличием оказалась коммуникация через зеркало, которая наблюдается в группе с переменными позициями участников. Особенность такого рода коммуникации в адресации, а также в большем контроле жестов головы. Поскольку у глаз через зеркало увеличивается угол обзора, это сокращает число жестов, связанных с его расширением в обычной коммуникации и с необходимостью перевести взгляд за пределы диапазона, доступного при используемой позе головы.

Кроме характерных для диалога регуляторных жестов с наложениями других функций (указательной, прагматической и ритмической) в разобранных выборках из двух корпусов были выявлены следующие тенденции.

1) При воображаемом собеседнике в обоих языках число ритмических жестов снижается (с 20% до 5-7%), а количество прагматических и изобразительных возрастает. Регуляторные жесты имеют меньшую амплитуду, а указательные, наоборот, являются более выраженными и по направлению, и по амплитуде.

2) В диалогических фрагментах особенности цефалического портрета больше подчинены дизайну эксперимента или съёмки, что особенно заметно при смене стороны — например, если один и тот же испытуемый оказывается справа или слева от собеседника. Это также характерно для дизайна диалогов из эталонного подкорпуса RUPEX при обращении то к одному, то к другому собеседнику. Это же можно увидеть в интервью Рубена Ольмо из корпуса SAFE, где он либо меняет положение относительно собеседника, либо взаимодействует с двумя разными собеседниками, сидя между ними [см. Евдокимова 2025в].

3) При фронтальном дизайне как в статичных видео, так и в видео с перемещениями увеличивается число (среднем на 30%)

указательных жестов на другие части тела, а также число специфических для цефалического канала указательно-прагматических жестов (Pragmatic center и Pragmatic away), при большей фиксации головы относительно центра. Выбор одного из классов таких жестов зависит от особенностей цефалического портрета педагога независимо от его родного языка. Что очень заметно на видео с La Magdalena в английской версии ее базового урока (<https://youtu.be/tqjulLJGo7Y?si=qpCriBnlC90MYKxj>, 24:37 минут), который мы взяли для верификации результатов сравнения выборок из обоих корпусов.

Литература

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Евдокимова А. А. (2024) К проблеме названий жестов головы. Некоторые итоги аннотирования эталонного подкорпуса gurex (22, 4, 23 запись). // Слово и жест. Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной (Гришинские чтения). Москва, 8 февраля 2024 г. Материалы конференции. — Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2024. — С. 9–15.

Евдокимова А. А. (2025a) К вопросу об универсалиях в жестах головы в русском и испанском языках и создании сопоставительного электронного видеословаря. // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2025 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025. М.: 2025. С. 11–15.

Евдокимова А. А. (2025b) Логическое ударение и синонимия жестов в цефалическом канале. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2025» 23–25 апреля 2025 г. doi: 10.28995/2075-7182-2025-23-XX-XX

Евдокимова А. А. (2025в) Проксемика в диалоге и ее влияние на жесты головы на материале корпуса SAFE. // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 2025. / Под ред.

Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман, А. Я. Койфман. М.: Московский институт психоанализа, 2025. С. 182–187.

Danner S. G., Krivokapić J., Byrd D. Co-Speech Movement in Conversational Turn-Taking. // *Frontiers in Communication. Psychology of Language*. Volume 6. 2021. <https://doi.org/10.3389/fcomm.2021.779814>.

Hadar U., Steiner T. J., Grant E. C., Clifford Rose F. (1983). Kinematics of head movement accompanying speech during conversation. *Human Movement Science* 2 (1983), 35–46.

Hadar U., Steiner T. J., Clifford Rose F. Head movement during listening turns in conversation. // *Journal of Nonverbal Behavior* 9(4), Winter 1985. P. 214–228.

Ishi C. T., Ishiguro H., Hagita N. (2008) Analysis of inter- and intra-speaker variability of head motions during spoken dialogue // Göcke R., Lucey P., Lucey S. (eds). *AVSP-2008 Proceedings, International Conference on Auditory-Visual Speech Processing 2008, September 26–29, 2008; ISCA Archive Tanga-looma Wild Dolphin Resort, Moreton Island, Queensland*, P. 37–42.

Ishi C. T., Ishiguro H., Hagita N. (2014). Analysis of Relationship between Head Motion Events and Speech in Dialogue Conversations. *Speech Communication* 57, 233–243. doi:10.1016/j.specom.2013.06.008

Kendon A. (1972). Some Relationships between Body Motion and Speech // *Studies In Dyadic Communication*. Eds: Siegman A. W., Pope B. New York: Pergamon Press, p. 177–210. doi:10.1016/b978-0-08-015867-9.50013-7

Sukhova N. V., Evdokimova A. A. Annotating the cephalic channel // *Fedorova Olga V., Kibrik Andrej A.* (eds.) *The MCD Handbook: A practical guide to annotating multichannel discourse*. To appear.

СЛОВО VS. ЖЕСТ: ЛЮДИ СКЛОННЫ ДОВЕРЯТЬ АНТРОПОМОРФНОМУ РОБОТУ*

А. А. Зинина, А. А. Котов

Национальный исследовательский центр

«Курчатовский институт»

Московский государственный лингвистический университет

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

Anna.zinina.22@gmail.com

В современном цифровом мире, где информация генерируется и распространяется с беспрецедентной скоростью, доверие к источникам знаний становится ключевым фактором принятия решений. Электронная информационная среда порождает парадокс: несмотря на доступность информации, уровень доверия к ней снижается из-за анонимности и отсутствия личного контакта, информация часто воспринимается как манипуляция [Hancock et al., 2011]. Онлайн-сообщения часто оцениваются как менее достоверные из-за анонимности и подозрений в сфабрикованности (*fake news*) [Pennycook and Rand, 2019].

В этом ключе интересно оценить доверие к антропоморфным роботам, которые потенциально могут усиливать убедительность сообщений, поскольку обладают социальными сигналами — мимикой, жестами и голосом — и могут передавать информацию в парадигме человеческого восприятия. Эмпирические данные также подтверждают, что роботы с антропоморфными чертами более убедительны по сравнению с абстрактными интерфейсами, например, с виртуальными агентами [Polat, 2023]. В своем исследовании мы предположили, что испытуемые будут больше доверять информации от антропоморфного робота, чем информации в интернете. Роботы сообщали испытуемым 32 факта, в которые сложно поверить, например, *Если желтую канарейку кормить красным перцем, цвет ее перьев станет красным*. Человек взаимодействовал с двумя роботами Ф-2: с экстравертированным и интровертированным типом невербального поведения. Типы поведения роботов были разработаны с учетом предыдущих

исследований [Wu et al., 2025], а также с использованием мультимодального корпуса REC [Зинина и др., 2018].

Утверждения предъявлялись каждому испытуемому в случайном порядке, но с сохранением пропорции истинных и ложных утверждений в речи каждого робота (16 правдивых и 16 ложных фактов). В рамках эксперимента человеку нужно было оценить степень доверия к каждому факту по десятибалльной шкале Лайкерта: 1 — не верю этой информации, 10 — полностью уверен, что это правда. В качестве контрольного условия мы отдельно набрали группу испытуемых, которые оценивали факты онлайн, через Google Forms. В исследовании участвовали 125 испытуемых, из них 33 человека (средний возраст 30,2, 11 участников мужского пола) оценивали факты онлайн и не контактировали с социальными роботами, а 92 человека (средний возраст в группе 21,8 лет, 20 участников мужского пола) проходили эксперимент с участием социальных роботов.

Результаты Friedman ANOVA показывают, что различия между тремя условиями статистически значимы ($p < 0,001$) – рисунок 1.

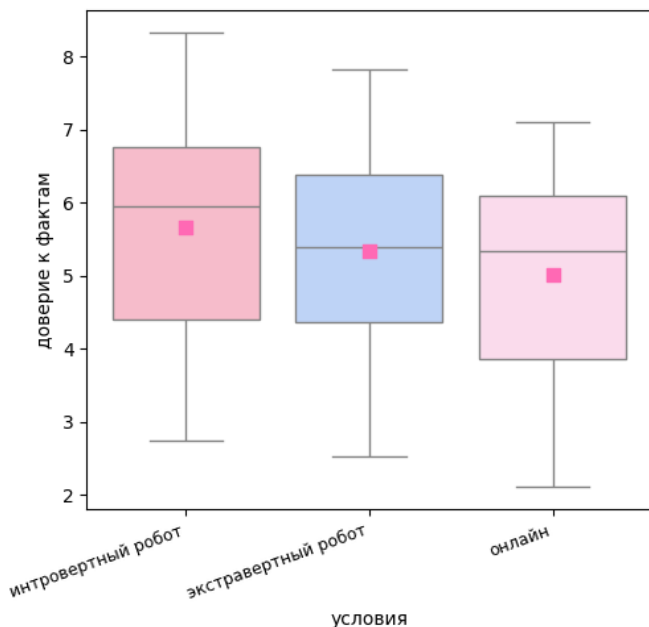

Рис. 1. Средние оценки доверия к фактам в трех группах

Участники эксперимента в целом больше доверяют фактам, исходящим от роботов (как интроверта, так и экстраверта), чем фактам, представленным в текстовом виде на мониторе без участия робота. Соответственно, можно сделать вывод о подтверждении нашей гипотезы.

При сравнении доверия фактам от разных роботов среднее доверие фактам от интровертированного робота составило 5,8 (SD=1,5, min 2,75; max 8,3), а доверие фактам от экстравертированного робота – 5,3 (SD=1,4, min 2,5; max 7,8). Различие по этому параметру значимо (Mann-Whitney U-test, $p=0,002$) — см. рисунок 2.

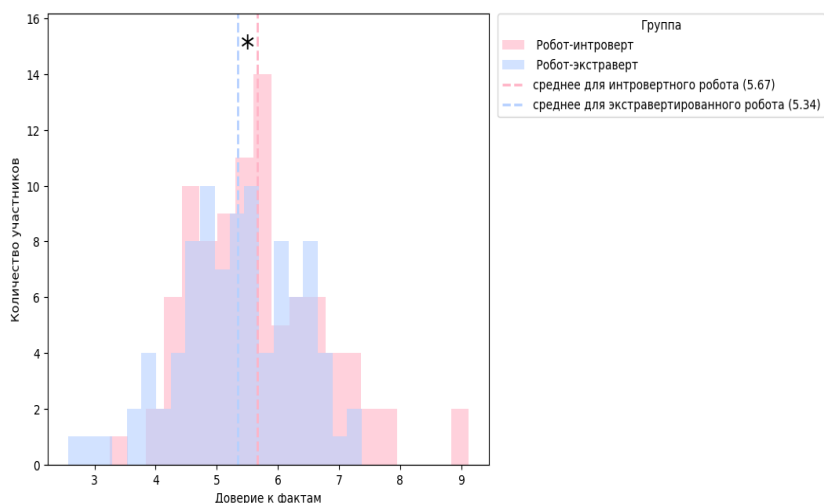

Рис. 2. Различия в восприятии фактов от роботов с разным типом поведения (* – $p < 0,05$)

Так, в результате эксперимента мы показали преимущество антропоморфных роботов как источников информации: невероятные факты, предъявленные через робота, вызывали значительно большее доверие у пользователей, чем аналогичные факты в онлайн-формате. Таким образом, воплощенный агент усиливает воспринимаемое доверие за счет социальных сигналов, отсутствующих на онлайн-платформе. Более того, профиль невербального поведения робота также способен повлиять на доверие к информации: факты от интровертированного робота оценивались как более правдивые. Полученные

данные имеют практическое значение для дизайна роботов в убеждающих сценариях: от образования до консультирования.

Литература

Hancock P. A., Billings D. R., Schaefer K. E., Chen J. Y. C., De Visser E. J., Parasuraman R. A meta-analysis of factors affecting trust in human-robot interaction. *Human factors*. 2011. No 53. Pp. 517–527.

Pennycook G., Rand D. G. Lazy, not biased: Susceptibility to partisan fake news is better explained by lack of reasoning than by motivated reasoning // *Cognition*. 2019. No 188, Pp. 39–50. DOI: 10.1016/j.cognition.2018.06.011

Polat H. Instructors' presence in instructional videos: A systematic review // *Educ Inf Technol*. 2023. No 28. Pp. 8537–8569. DOI: 10.1007/s10639-022-11532-4

Wu B., Liu C., Ishi C. T., Shi J., Ishiguro H. Extrovert or Introvert? GAN-Based Humanoid Upper-Body Gesture Generation for Different Impressions // *International Journal of Social Robotics*. 2025. No 17. Pp. 457–472.

Зинина А. А., Аринкин Н. А., Зайдельман Л. Я., Котов А. А. Разработка модели коммуникативного поведения робота Ф-2 на основе мультимодального корпуса «РЕС» // *Компьютерная Лингвистика и Интеллектуальные Технологии*. М.: РГГУ, 2018. С. 831–844.

* Работа выполнена в рамках государственного задания НИЦ «Курчатовский институт»

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЕ ЖЕСТЫ В ОЦЕНОЧНОМ ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ У ГОВОРЯЩИХ НА РУССКОМ И БРАЗИЛЬСКОМ ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ*

*М. И. Киосе^{1,2}, О. Н. Прокофьева¹, О. В. Агафонова^{1,2}, А. А. Петров^{1,2},
Е. Е. Смирнова¹, М. А. Кудрявцева¹*

¹*Московский государственный лингвистический университет*

²*Институт языкознания РАН*

(Москва, Россия)

maria_kiose@mail.ru

В данной работе, выполненной в рамках проекта, посвященного анализу позиционирования в речи и рекуррентных жестах у говорящих на русском и бразильском португальском языках¹, устанавливаются особенности полимодальной реализации оценочного позиционирования в сопоставительном аспекте. Изучается группа частотных «потенциально рекуррентных» жестов — презентационных (44% всех жестов в русскоязычном корпусе и 32% — в португалоязычном) — участвующих в полимодальном конструировании оценки с учетом ее характера (положительная, отрицательная, частные типы оценки) и степени интенсивности в конструировании объекта позиционирования.

Методология исследования

В настоящем проекте оценочное позиционирование как один из типов позиционирования (наряду с эпистемическим и интересубъективным позиционированием) рассматривается вслед за [Du Bois 2007] как конструирование отношения субъекта коммуникативной ситуации к объекту ситуации. С опорой на дискурсивно-прагматическую специфику анализируемого материала — речь идет о диалогическом дискурсе пояснения, в котором происходит формирование общей позиции — оценочное позиционирование изучается в трех аспектах: общий тип оценки объекта позиционирования (положительная, отрицательная), степень интенсивности в конструировании объекта позиционирования (высокая, низкая, средняя), частный тип оценки (сенсорная,

¹ Авторы выражают признательность руководителю проекта О. К. Ирисхановой и всем участникам проекта (помимо авторов настоящей статьи) – А. Ченки, М. Авеляр, А. В. Леонтьевой, З. Б. Долгих, Дж. Агуяр.

психологическая, эстетическая, этическая, утилитарная, нормативная, телеологическая) [Ирисханова, Петров 2025; Прокофьева и др. 2025].

На то, что отношение к объекту позиционирования и его оценка с учетом ее вариативности получают полимодальную реализацию в речи и в жестах, указано в ряде работ. Так, Е. А. Гришина применительно к русскому языку описывает несколько групп жестов с семантикой отрицания — жесты дистанцирования (поднять брови, склонить голову набок, махнуть рукой, развести руками и др.), жест подтверждения (кивок сверху вниз), эмфатические жесты (двинуть головой вперед, нахмуриться, сморщиться), глазное поведение (закрыть глаза) [Гришина 2015]. По данным МУРКО эмфатические жесты (не только мануальные) чаще сопровождают высказывания с отрицательной оценкой. Частные проявления полимодальной «отрицательности» в движениях бровей и головы, мануальных характеристиках, движениях корпуса и взгляде также установлены в [Бычкова, Рахилина, Слепак 2019] с высказываниями с дискурсивной формулой *Да ну!* с семантикой девалоризации речевого акта. Отметим и результаты, полученные в [Колмогорова и др. 2024] по тональности жестов в кинодискурсе на материале МУРКО: жесты, исполняемые ногами, тяготеют к выражению позитивной эмоциональной тональности субъекта, исполняемые руками — к позитивной и нейтральной, а жесты тела и головы оказываются полифункциональными. Применительно к немецкому языку в исследованиях также определены некоторые группы мануальных жестов с семантикой отрицательной оценки, например, жесты отмахивания и отбрасывания для выражения отрицательной оценки [Bressem, Müller 2014].

Перечисленные жесты могут быть рассмотрены как рекуррентные, то есть демонстрирующие достаточно устойчивую связь формальных и функционально-семантических характеристик [Bressem, Müller 2014]. Однако, как отмечает Е. А. Гришина, нередко случаи использования отрицательных жестов для выражения положительной оценки, которые исследователь связывает с выражением дополнительного семантического компонента ‘удивительно, не верю’, с присутствием интенсификаторов (типа *настоящий, обожал, очень*) и контекстов с семой ‘много’ (типа *куча, колоссальное, огромный*). Таким образом, с учетом семантики и прагматики дискурса функциональная нагрузка рекуррентных жестов может меняться. Это также указывает на то, что и другие жесты — не только рекуррентные жесты с «устойчивой» семантикой оценки — могут участвовать в оценочном позиционировании. Отметим и значимое отсутствие в типологиях

рекуррентных жестов специфических жестов с семантикой положительной оценки, что обусловлено семантической комплексностью такой оценки и необходимостью ее рассмотрения в более широком дискурсивном контексте. Высказанные наблюдения позволяют говорить о классе жестов, которые не являются собственно рекуррентными, но в дискурсе с некоторой регулярностью (чаще, чем иные жесты) транслируют те или иные функционально-семантические характеристики; эти жесты мы будем называть «потенциально рекуррентными». Настоящее исследование посвящено презентационным жестам — группе, которая часто встречается в записанном корпусе, но ранее не ассоциировалась с выражением оценки. Мы рассматриваем их как потенциально рекуррентные жесты и анализируем их роль в разных типах оценочного позиционирования.

Примечательно, что используемый нами термин «презентационные жесты» в литературе не соотносится с конкретным жестом или типом жестов и обычно аккумулирует функциональный класс мануальных движений, при котором происходит иллюстрация / представление / предложение собеседнику описываемого объекта [Cienki 2024]. Данный термин охватывает широкий спектр жестовых вариаций, например, это может быть подкатегория жестов «открытая ладонь вверх» [Müller 1998], они могут выполнять прагматическую функцию [Kendon 2004] или включать в себя репрезентирующие жесты [Holler, Beattie 2003]. В рамках данной работы мы выделяем презентационные жесты как группу потенциально рекуррентных жестов, исходя из их формы и функции [Abner et al. 2015] и в соотношении с оценочным позиционированием [Cienki 2022; Прокофьева и др. 2025]. Рассматриваются четыре варианта жестов формы «открытая ладонь вверх» [Iriskhanova, Nikolayeva 2023]: предложение / Offering (открытая ладонь, ориентированная наверх и / или направленная к собеседнику), разведение двух рук / ладоней в стороны (две руки / ладони, ориентированные вверх, разводятся в стороны) / Spreading, отведение одной из рук в сторону (из центральной зоны говорящего в одну из сторон) / SIDE-OF и отведение пальцев (ротационное движение, при котором пальцы разворачиваются наружу) / FTO (finger turnout). Исследования, проведенные на англоязычной выборке, показывают, что такие жесты являются частотными и составляют примерно четверть всех используемых жестов [Chu et al. 2014]. В то же время специфика их использования остается достаточно размытой [Cooper et al. 2018], в особенности в случаях использования положительной или отрицательной оценки. Для уточнения возможности

рассмотрения таких жестов как рекуррентных мы рассматриваем их в контексте двух культур, русскоязычной (Россия) и португалоязычной (Бразилия).

Рабочий корпус и процедура анализа

В исследовании используется материал двух рабочих поли-модальных корпусов продолжительностью 155 минут (русскоязычный) и 135 минут (португалоязычный), включающих 4919 и 4992 ЭДЕ (из них позиционирование обнаружено в 4536 и 4259 ЭДЕ, 92% и 85% всех ЭДЕ участников) и 1909 и 2574 потенциально рекуррентных жестов. Анализ материала выявил 2560 и 2192 случая использования оценочного позиционирования русскими и бразильскими участниками в речи, с которыми синхронизированы 843 и 812 презентационных жестов.

Процедура анализа включает следующие этапы: 1) установление распределения типов оценочного позиционирования в речи, 2) установление распределения типов презентационных жестов со случаями оценочного позиционирования, 3) определение корреляционных профилей презентационных жестов, 4) сопоставление полученных данных в двух корпусах — русскоязычном и португалоязычном.

Так, при анализе типов оценочного позиционирования мы опирались на их языковые маркеры. Маркеры положительной оценки обнаруживаются, например, в *это реально **круто**; mas sou **otimista*** (порт. но я **оптимистична**); *que é um **meio muito bom*** (порт. что является очень **хорошим** средством), а отрицательной — в **ошибочный**, *может...; но в первую очередь это **вина** разработчиков; caráter negativo (негативный характер)*. Маркеры интенсификации высокой степени присутствуют в ЭДЕ *и **все**; que projetam **tudo*** (порт. которые проектируют **все**), *Essas são palavras **muito** generalizadas* (порт. Это **очень** общие слова), *isso vai mudar **muita** coisa* (порт. это поменяет **многое**); средней интенсификации — в **быстрее** *делает контент; приятнее* типа наверное; *um diagnóstico **mais rápido*** (порт. для **более быстрой** диагностики); низкой интенсификации — в *она их **никак** не выражала; não só de pensar* (порт. **не думая о**). Частная оценка обнаруживается, например, в ЭДЕ *если отделить сознание от **эмоций*** (психологическая); *Na minha opinião... Eu **entendi*** (порт. По моему мнению ... Я **понял**) (психологическая); *pra ter inteligência artificial* (порт. **чтобы обладать** искусственным интеллектом) (телеологическая); *ты видишь **красивую** картинку* (эстетическая); *когда ИИ просто, например, **обманывал** людей* (этическая).

Приведем примеры анализируемых презентационных жестов, использующихся с оценочным позиционированием в речи (Рис. 1).

Рис. 1.1. Жест предложения / Offering

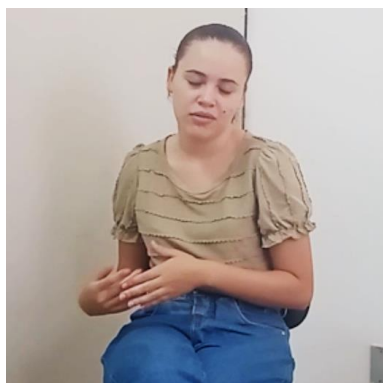

Рис. 1.2. Жест отведения одной руки в сторону / SIDE-OF

Рис. 1.3. Жест разведения двух рук / ладоней в стороны / Spreading

Рис. 1.4. Жест отведения пальцев / FTO

На Рис. 1.1 представлен жест предложения / Offering, синхронизированный с ЭДЕ *но в первую очередь это вина разработчиков*, в которой реализуется отрицательная оценка, а также частная этическая оценка. Жест отведения одной из рук в сторону / SIDE-OF показан на Рис. 1.2, где в речи на португальском языке используется ЭДЕ *E nem piorar ela* (порт. И чтобы не **сделать** еще **хуже**) также с выражением отрицательной оценки, но и дополнительно с выражением средней степени ее интенсивности. Рис. 1.3. показывает жест разведения двух рук / ладоней в стороны / Spreading, синхронизированный с ЭДЕ *que*

quando todo mundo começar a utilizar talvez (и когда **весь** мир начнет использовать ее возможно), в которой реализуется высокая степень интенсивности в конструировании объекта оценочного позиционирования (мир, его представители). На Рис. 1.4 приведен пример жеста отведения пальцев / ФТО с ЭДЕ *que ela não tem consciência própria* (у него отсутствует собственное **сознание**), где обнаруживается реализация отрицательной оценки, а также частной психологической оценки в конструировании объекта позиционирования (ИИ).

Мы предполагаем, что данные типы жестов вносят свой вклад в полимодальное конструирование отношения субъекта коммуникативной ситуации к объекту ситуации, при этом, возможно, этот вклад обладает культурной спецификой в русскоязычной и португалоязычной коммуникации и определяет «рекуррентную специфику» этих жестов.

Результаты анализа и обсуждение

Рассмотрим обнаруженные в речи участников случаи оценочного позиционирования с учетом выделенных типов (Таблица 1).

Таблица 1. Случаи оценочного позиционирования

	Типы	Русскоязычный корпус	Португалоязычный корпус
Общая оценка	положительная	134	157
	отрицательная	440	295
Степень интенсификации	высокая	540	450
	средняя	104	117
	низкая	172	92
Частная оценка	сенсорная	13	6
	психологическая	564	589
	эстетическая	10	3
	этическая	83	47
	утилитарная	315	287
	нормативная	45	24
	телеологическая	140	125

Как видно из таблицы с распределением случаев оценочного позиционирования, бразильские участники чаще, чем русские, прибегали к использованию общей положительной оценки, а русские — общей отрицательной оценки, по сравнению с бразильскими говорящими, при общей склонности всех говорящих скорее к негативной, чем к позитивной оценке в дискурсе. Наиболее частотными маркерами интенсификации в обеих группах выступили маркеры ее высокой

степени. В отношении частной оценки укажем на превалирование психологической оценки (в португалоязычном материале), утилитарной и телеологической (в русскоязычном материале). При этом статистический анализ с использованием теста χ^2 Пирсона подтвердил, что различия между группами участников при использовании маркеров общей отрицательной оценки (22.07), высокой (3.94) и низкой (20.09) интенсивности статистически значимы ($p < 0.05$) и могут указывать на различия в речи представителей разных культур. Использования частной оценки статистически значимых различий не показали.

Далее представим обнаруженные в двух корпусах случаи синхронизированного использования оценочного позиционирования с презентационными жестами четырех типов (Таблица 2).

Таблица 2. Случаи синхронизированного использования презентационных жестов FTO, Offering, SIDE-OF, Spreading с типами оценочного позиционирования

Типы и подтипы оценочного позиционирования		Презентационные жесты в русскоязычном корпусе	Презентационные жесты в португалоязычном корпусе
Общая оценка	положительная	1/15/4/5 (24)	1/25/12/1 (39)
	отрицательная	0/41/10/20 (71)	0/40/15/4 (59)
Степень интенсификации	высокая	1/46/17/21 (85)	0/72/13/19 (104)
	средняя	0/9/3/5 (17)	2/14/4/5 (25)
	низкая	1/17/6/12 (36)	0/14/1/1 (16)
Частная оценка	сенсорная	0/5/0/1 (6)	0
	психологическая	0/48/8/21 (77)	3/76/13/21 (113)
	эстетическая	0/3/2/1 (6)	0/1/0/0 (1)
	этическая	0/5/6/3 (14)	0/5/2/1 (8)
	утилитарная	3/51/10/14 (78)	1/46/10/7 (64)
	нормативная	0/2/1/1 (4)	0/4/0/2 (6)
	телеологическая	1/17/7/4 (29)	0/30/5/5 (40)

Как можно видеть из таблицы, в целом распределение презентационных жестов достаточно сходное в двух корпусах, однако с учетом количества случаев позиционирования можно обнаружить ряд различий. Тесты на наличие таких различий показали, что при выражении высокой степени интенсификации объекта позиционирования русскоязычные говорящие реже используют презентационные

жесты ($\chi^2=5.84$, $p=0.016$); меньше жестов используется и при выражении психологической оценки ($\chi^2=4.6$, $p=0.032$).

Для анализа возможных регулярных соответствий в использовании каждого из четырех типов презентационных жестов с каждым из типов оценочного позиционирования, что будет свидетельствовать о рекуррентности этих жестов, были проведены множественные корреляционные тесты. Таблица 3 представляет корреляционные профили (с указанием коэффициента корреляции, * значимые с учетом поправки Бонферрони) в двух корпусах.

Таблица 3. Корреляционные профили презентационных жестов Offering, SIDE-OF, Spreading с типами оценочного позиционирования

Типы и подтипы оценочного позиционирования		Offering	SIDE-OF	Spreading	Offering	SIDE-OF	Spreading
Общая оценка	положительная						
	отрицательная						
Степень интенсификации	высокая				0.63*		0.48
	средняя	0.49*			0.73		
	низкая				0.73*		
Частная оценка	сенсорная	0.7*					
	психологическая	0.54			0.67*		
	эстетическая	0.48	0.79*	0.61*	0.73*		
	этическая	0.63*			0.45*		
	утилитарная	0.71*		0.46	0.63*		
	нормативная	0.61*		0.51*	0.48		
	телеологическая				0.48	0.48	

Результаты показывают отсутствие корреляций жеста отведения пальцев / FTO с типами оценочного позиционирования, что обусловлено, прежде всего, его низкой частотностью. Также установлены мно-

жественные корреляции жеста предложения / *Offering*, что, напротив, объясняется его высокой частотностью. Однако определяются и различия в полимодальном конструировании оценочного позиционирования в двух корпусах: в португалоязычном корпусе жест предложения / *Offering* используется для выражения всех степеней интенсификации объекта позиционирования — проще говоря, для любого типа интенсификации: в русскоязычном корпусе он используется скорее для выражения частных типов оценки, выдвигая («предлагая»), таким образом, сам объект позиционирования или его характеристику. Жесты отведения одной из рук в сторону / *SIDE-OF* и разведения двух рук / ладоней в стороны / *Spreading* в русскоязычном корпусе не использовались регулярно для выражения общей оценки или интенсивности, а только для случаев частной оценки. В то же время в португалоязычном корпусе жест разведения двух рук / ладоней в стороны / *Spreading* используется для интенсификации объекта позиционирования (хотя с учетом поправки Бонферрони показатель корреляции не является значимым). Обратим внимание на то, что презентационные жесты в отличие от эмфатических жестов, рассмотренных в работах [Гришина 2015; Бычкова, Рахилина, Слепак 2019], не сопровождают высказывания с отрицательной оценкой чаще, чем с положительной. Очевидно, это обусловлено тем, что помимо своей прагматической функции [Kendon 2004], они выполняют и функцию репрезентации объекта позиционирования [Holler, Beattie 2003].

Таким образом, при определенной размытости функций презентационных жестов, на что указано, например, в [Cooperrider et al. 2018], можно сформулировать некоторые особенности их использования в двух языковых культурах (конечно, на материале ограниченной выборки). Во-первых, португалоязычные говорящие используют презентационные жесты предложения / *Offering* и разведения двух рук / ладоней в стороны / *Spreading* в функции интенсификации объекта позиционирования, в чем и проявляется их основное функциональное отличие от этих же жестов у говорящих на русском языке. Второе различие заключается в использовании русскоязычными говорящими жестов отведения одной из рук в сторону / *SIDE-OF* и разведения двух рук / ладоней в стороны / *Spreading* с функцией частной оценки. При этом презентационные жесты действительно демонстрируют рекуррентность в проявлении функции оценочного позиционирования, однако степень ее проявления может быть оценена только в сравнении с

особенностями реализации этой же функции у других «потенциально» рекуррентных жестов.

Заключение

Проведенное исследование с целью установления функциональных сходств и различий в использовании презентационных жестов в русскоязычной и португальскоязычной культуре (на материале двух выборок) показало, что в данной группе жестов три жеста — презентационные жесты предложения / Offering, разведения двух рук / ладоней в стороны / Spreading, отведения одной из рук в сторону / SIDE-OF — могут быть рассмотрены как рекуррентные. Однако при наличии сходных функциональных характеристик (например, выражение частной оценки жестами предложения / Offering), они демонстрируют и различия, которые, возможно, обусловлены их особой ролью в двух культурах.

Литература

- Бычкова П. А., Рахилина Е. В., Слепак Е. А.* (2019). Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 3 (21), 256–284.
- Гришина Е. А.* (2015). О русском жестикуляционном отрицании // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 3 (6), 556–604.
- Ирисханова О. К., Петров А. А.* (2025). Позиционирование в полимодальном аспекте: анализ интерсубъективизации // Вопросы когнитивной лингвистики, 1, 17–27.
- Колмогорова А. В., Мигаль А. В., Сергеева М. О.* (2024). Количественный анализ жестов в советском кино на материале Мультимедийного корпуса Национального корпуса русского языка // Культура и текст, 2 (57), 181–191.
- Прокофьева О. Н., Киосе М. И., Леонтьева А. В., Смирнова Е. Е.* (2025). Интенсивность и особенности ее реализации в речи и рекуррентных жестах в спонтанном диалоге // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог», 23, 281–290.
- Abner N., Cooperrider K., Goldin-Meadow S.* (2015). Gesture for Linguists: A Handy Primer // Language and linguistics compass, 9 (11), 437–451.

Bressem J., Müller C. (2014). A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // *Body – Language – Communication*. C. Müller et al (eds.). Berlin: De Gruyter, 1575–1591.

Chu M., Meyer A., Foulkes L., Kita S. (2014). Individual Differences in Frequency and Saliency of Speech-Accompanying Gestures: The Role of Cognitive Abilities and Empathy // *J. Exp. Psychol. Gen.* 143 (2), 694–709.

Cienki A. (2022). The study of gesture in cognitive linguistics: How it could inform and inspire other research in cognitive science. *Wiley interdisciplinary reviews. Cognitive science*, 13(6), e1623.

Cienki A. (Ed.). (2024). *The Cambridge Handbook of Gesture Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Cienki A., Avelar M., Iriskhanova O. (2025). Action Schemas Can Account for Prototypical and Non-Prototypical Palm-Up Open Hand Gestures // *Languages*, 10(11), Article number: 282.

Cooperrider K., Abner N., Goldin-Meadow S. (2018). The Palm-Up Puzzle: Meanings and Origins of a Widespread Form in Gesture and Sign // *Front. Commun.* 3, 23.

Du Bois J. W. (2007). The stance triangle // *Stancetaking in discourse: Subjectivity, evaluation, interaction*. R. Englebretson (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 139–182.

Holler J., Beattie G. (2003). Pragmatic aspects of representational gestures: Do speakers use them to clarify verbal ambiguity for the listener? // *Gesture*, 3 (2), 127–154.

Iriskhanova O. K., Nikolayeva A. I. (2023). Cognitive Basis for The Variation of Recurrent Gestures in Explanatory Discourse: Palm-Up-Open-Hand and Palm-Down-Open-Hand Gestures // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 26–34.

Kendon A. (2004). *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge University Press.

Müller C. (1998). *Redebegleitende Gesten: Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich (Co-Verbal Gestures: Cultural History – Theory – Language Comparison)*. Berlin: Reimer.

* Исследование подготовлено в рамках реализации Проекта РНФ 24-18-00587 «Роль рекуррентных жестов в разных языках: социо-когнитивные основы полимодального позиционирования», реализуемого в Московском государственном лингвистическом университете.

ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ ВО ВРЕМЯ ПАУЗ В РЕЧИ ПРИ АФАЗИИ*

А. Б. Колесникова¹, Ю. В. Николаева^{1,2}

¹МГУ имени М.В. Ломоносова, ²НИИ ВШЭ

(Москва, Россия)

anna.cello04@gmail.com, julianikk@gmail.com

Введение. Жесты, сопровождающие речь, играют важную роль в коммуникации: они передают информацию адресату и помогают говорящему сформулировать свою мысль, особенно в ситуациях речевых сбоях. Афазия – «сложное, системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга, охватывает разные уровни речи и пронизывает всю психическую деятельность человека» [Цветкова, Глозман 1978: 3]. В случае афазии жестикуляция может стать дополнительным каналом для передачи сообщения или регулирования коммуникации.

Цель данного исследования — рассмотреть, какие типы жестов появляются во время пауз хезитации у говорящего, и выявить паттерны, связанные с компенсаторными стратегиями в случае речевых трудностей при передних и задних формах афазии.

Метод. В данном исследовании приняли участие 12 человек: 4 пациента с передними формами афазии, 4 пациента с задними формами афазии и 4 участника контрольной группы. Для передних форм афазии характерно нарушение экспрессивной речи при сохранении понимания, для задних форм афазии типична беглая речь и нарушение понимания смысла слов [Akhutina 2003]. Участникам было предложено посмотреть “Фильм о грушах” [Chafe 1980], а затем пересказать его.

Речь сегментирована на фонетические слова и паузы хезитации, также отмечены границы элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ). В программе ELAN аннотированы движения рук: для каждого движения установлены границы маха, определен тип движения. Использованы следующие типы движений (по [Litvinenko et al. 2018]): изобразительные, прагматические, указательные, биты, фальстарты, адапторы, смены позы.

Результаты. Проанализировано 1077 пауз хезитации, при этом длительность заполненных и незаполненных пауз, следовавших друг за другом, суммировалась. Речевой сбой считался сопровождаемым каким-либо жестом рук, если процент пересечения маха жеста и речевого сбоя составлял хотя бы 25% (для меньшего интервала). Таким образом было выбрано 1401 движение рук, произведенное во время речевого сбоя.

Все паузы хезитации были поделены на 3 равных кластера: короткие (< 348 мс), средние (348-784 мс) и длинные (> 784 мс), границами служили 33-й и 66-й процентиля значений.

Все три группы продемонстрировали разные стратегии использования движений рук при речевых сбоях.

При **передних формах** афазии с ростом длительности паузы увеличивается количество прагматических жестов, жестовых фальстартов и адапторов ($p = 0.02$) и наблюдается тенденция к сокращению изобразительных жестов. Возможно, более длительные паузы связаны с трудностями на более раннем этапе построения высказывания, и в этих случаях пациент испытывает сложности не только с поиском нужного слова, но и с изображением целевого концепта жестами.

У участников с **задними формами афазии** с увеличением длительности паузы в целом растет число движений рук ($p < 0.001$), а также наблюдается тенденция к увеличению числа изобразительных и уменьшению числа прагматических жестов. То есть при коротких речевых сбоях эти участники используют прагматические жесты, возможно, для того, чтобы сигнализировать слушающему о затруднении. Если же речевые затруднения выражены сильнее, участники прибегают к использованию изобразительных жестов для компенсации речевых трудностей.

В **контрольной группе** длительные паузы связаны прежде всего с ростом количества адапторов (маркеров дискомфорта или саморегуляции), тогда как прагматические и изобразительные жесты, напротив, используются реже. С “обычными” сбоями участники справляются и без жестов, а при длительных испытывают дискомфорт, который находит отражение в увеличении числа адапторов.

Литература

Цветкова Л. С., Глоzman Ж. М. (1978). Аграмматизм при афазии. М.: Издательство Московского университета.

Akhutina, T. V. (2003). Mechanism of Speech Production Based on the Study of Aphasia. *Journal of Russian & East European Psychology*, 41(3–4), 12–32.

Chafe, W. L. (1980). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. New Jersey: Ablex.

Litvinenko, A. O., Kibrik, A. A., Fedorova, O. V., & Nikolaeva, J. V. (2018). Annotating Hand Movements in Multichannel Discourse: Gestures, Adaptors and Manual Postures. *Russian Journal of Cognitive Science*, 5(2), 4–17.

КАК УЧАСТНИКИ ДИАЛОГА (НЕ) АПЕЛЛИРУЮТ К СОБЕСЕДНИКУ ПРИ СОВМЕСТНОМ ПОСТРОЕНИИ*

Н. А. Коротаев

Институт языкознания РАН

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

n_korotaev@hotmail.com

Доклад продолжает серию исследований мультимодального поведения участников диалога при совместном построении реплик и синтаксических конструкций на материале корпуса «Рассказы и разговоры о грушах», начатую в предшествующих публикациях — см., в частности, [Коротаев 2023]. О совместном построении принято говорить в ситуациях, в которых один из участников диалога либо завершает реплику, начатую другим участником, либо расширяет реплику, только что этим другим участником завершённую [Опо, Thompson 1996; Гренобль 2008]. С формальной точки зрения собеседники обычно реализуют некоторую единую синтаксическую структуру [Helasvuori 2004], при этом появление этой структуры неразрывно связано с динамической структурой действий участников [Mondada 1999; Lerner 2004]. Так, одним из параметров, релевантных при анализе совместного построения, является наличие / отсутствие запроса со стороны первого участника на совместное действие [Kalkoff, Dressel 2019; Bolden et al. 2019]. На этом различии (в том числе) основывается и типология случаев совместного построения, рассмотренная в [Коротаев 2023]. В той работе, однако, подробно не обсуждались формальные критерии, позволяющие разграничить случаи, в которых первый участник формирует запрос на совместное действие со стороны второго участника, от случаев, в которых второй участник вступает без такого запроса. Задача исследования, представленного в настоящем докладе, – рассмотреть возможные критерии подобного рода и оценить количественные результаты их применения к корпусному материалу.

В рамках исследования были проанализированы 105 примеров совместного построения, обнаруженных в восьми записях корпуса. Для каждого примера было определено, содержатся ли в нем вокальные и кинетические сигналы, свидетельствующие в пользу («положительные») или против («отрицательные») наличия в поведении первого участника запроса на совместное действие. В качестве основных «положительных» признаков рассматривались: вопросительная инто-

нация и / или общий контекст вопроса / запроса на подтверждение; вокальные и жестикуляционные сигналы хезитации (в частности, речевые маркеры и жесты поиска); «приглашающая» жестикуляция; перевод взгляда на второго участника. В качестве «отрицательных» признаков размечались перевод взгляда от второго участника / маркированный взгляд не на второго участника и интонационные сигналы незавершенности, совмещенной с высокой степенью контроля над речепроизводством (в частности, использование нисходяще-восходящего акцента типа ИК-4; см. [Янко 2008: 167-170]).

В результате было выделено три группы примеров:

- (i) примеры, содержащие только «положительные» признаки;
- (ii) примеры, содержащие только «отрицательные» признаки;
- (iii) примеры, не содержащие ни «положительных», ни «отрицательных» признаков.

Количественно эти три группы распределены следующим образом: примеры группы (i) составляют около 25% всех случаев, примеры группы (ii) – около 30%, примеры группы (iii) – около 40% (еще примерно 5% приходится на неочевидные / переходные случаи). Иными словами, только примерно в четверти случаев у нас есть достаточные основания утверждать, что совместное построение возникает в результате последовательной координации участниками своих дискурсивных действий. Существенно чаще у нас либо нет достаточных формальных оснований для интерпретации намерений первого участника (рассчитывает ли он(а) на совместное действие со стороны второго участника), либо в поведении первого участника и вовсе отсутствуют признаки того, что он(а) намерен(а) реализовать реплику или синтаксическую конструкцию без участия собеседника.

Кроме того, отдельного внимания заслуживают соотношения между принадлежностью случаев совместного построения к выделенным выше группам и двумя другими параметрами их внутренней организации. Во-первых, для случаев группы (ii) более характерна ситуация, при которой первый участник продолжает реализацию начатой им конструкции после вступления второго участника, чем для случаев групп (i) и (iii); это различие обладает статистической значимостью ($p = 0.01$; «хи-квадрат»). Во-вторых, при наличии «положительных» сигналов запроса на совместное действие (т. е. в случаях группы (i)) совместное построение заметно чаще состоит в завершении начатой ЭДЕ (элементарной дискурсивной единицы), а не в завершении последовательности ЭДЕ; в случаях групп (ii) и (iii) эти два типа завершения количественно распределены более равномерно.

Представляется, что полученные результаты позволяют сформировать более точную картину того, какие факторы влияют на формат совместного построения реплик и синтаксических конструкций в устном диалогическом дискурсе.

Литература

Гренобль Л. (2008). Синтаксис и совместное построение реплики в русском диалоге // Вопросы языкознания, № 1. С. 25–36.

Коротаев Н. А. (2023). Мультиканальное взаимодействие при совместном построении синтаксических конструкций в диалоге // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции "Диалог" (2023). Вып. 22. С. 254–266.

Янко Т. Е. (2008). Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур.

Bolden, G., Hepburn, A., Potter, J. (2019). Subversive completions: Turn-taking resources for commandeering the recipient's action in progress // Research on Language and Social Interaction, 52(2). P. 144–158.

Helasvu, M.-L. (2004). Shared syntax: The grammar of co-construction // Journal of Pragmatics, 36(8). P. 1315–1336.

Kalkoff, A. T., Dressel, D. (2019). Co-constructing utterances in face-to-face-interaction: A multimodal analysis of collaborative completions in spoken Spanish // Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality, 2(2).

Lerner, G. (2004). Collaborative turn sequences // G. Lerner (ed.) Conversation Analysis: Studies from the First Generation. Philadelphia: John Benjamins. P. 225–256.

Mondada, L. (1999). L'organisation séquentielle des ressources linguistiques dans l'élaboration collective des descriptions // Langage et Société, 89(1). P. 9–36.

Ono, T., Thompson S. (1996). Interaction and syntax in the structure of conversational discourse: collaboration, overlap, and syntactic dissociation // E. Hovy, D. Scott (eds.) Computational and Conversational Discourse. Berlin: Springer. P. 67–96.

* Исследование выполнено в Институте языкознания РАН в рамках государственного задания Минобрнауки России; проект «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения: русский звучащий и русский жестовый язык», № 125032004223-6; 2025-2027 гг.

ПРОЯВЛЕНИЕ КРЕАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ: МЕТАФОРА, МЕТОНИМИЯ И МЕТАФТОНИМИЯ*

А. В. Леонтьева, Т. М. Макунина

Институт языкознания РАН

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

lentevanja27@gmail.com

Креативность в языке рассматривается как деятельно-творческий процесс, который объединяет мышление и речь и отражает способность языка к новаторству и преобразованию при создании мысли [Гумбольдт 1984, Потебня 1862]. Это сложный многоуровневый процесс творческого использования языка и дискурса [Зыкова, Киосе 2009], в котором раскрывается способность человека к порождению бесконечного количества языковых вариантов [Chomsky 1970].

Выделяются три зоны, которые обеспечивают креативный лингвистический процесс: онтологии, эпистемологии и формы знака [Ирисханова 2009; Киосе 2020]. В данной работе внимание уделяется языку визуальной модальности, русскому жестовому языку (РЖЯ), и проявлениям лингвистической креативности при воспроизводстве речи на нем. Таким образом, наибольшее внимание в данном исследовании уделяется формально-семиотической зоне, формальным и семантическим аспектам жестов РЖЯ.

В основе процесса креативности лежат когнитивные механизмы, такие как концептуальная метафора и метонимия; аналогия и дезаналогия; (де-) фокусирование и перефокусирование; концептуальная интеграция [Киосе 2020]. В данной работе внимание уделяется метафоре, метонимии и метафтонимии и их проявлению в РЖЯ.

Концептуальная метафора — это понимание сущности одного рода или области в терминах другого рода или области [Lakoff, Johnson 1980]. Метафорическое отображение играет важную роль в создании жестов, так как тесно связано с иконичностью. Метонимия — языковое явление, при котором один элемент ментальной структуры замещает другой, с которым он связан внутри этой структуры, и таким образом обеспечивает ментальный доступ к нужной информации

[Langacker 1993]. Р. Якобсон (1990) отмечал, что для метафоры характерны отношения сходства (парадигматические отношения), а для метонимии характерны отношения смежности (синтагматические отношения). Метонимия является довольно распространенным явлением в жестовых языках, где часть жеста (форма руки, движение или местоположение) представляет собой целую концепцию или объект; сам жест отражает лишь отдельную часть объекта, но вместе с этим представляет целое. Метафтонимия — явление, при котором в языковом выражении метафора и метонимия зависят друг от друга, часто реализуются последовательно или комбинируются в рамках одной номинации [Goossens, 1990]. В жестовых языках физические компоненты жеста (форма руки, местоположение или движение) используются для представления концепции в переносном значении. Значение, как и в метафоре, формируется путем проекций.

Материалом анализа являются видеозаписи эксперимента, в рамках которого носители РЖЯ (глухие и слабослышащие) описывали представленный им стимул в виде серии картинок. Всего было проанализировано 15 участников (средний возраст — 25 лет), общая длительность видеоматериала составила 13 минут 44 секунды. Анализ материала выполнялся в программе ELAN. Всего было проаннотировано 1153 жеста. Из них было выявлено 20 метафор, 70 метонимий, 39 примеров метафтонимии.

Результаты анализа показали, что метафорические и метафтонимические жесты встречаются в корпусе реже, чем метонимические. Это может быть связано со спецификой жестовых языков, так как жесты чаще всего отображают часть чего-то целого или определенное действие, с которым связано понятие (рисунок 2). Низкая частотность метафорических и метафтонимических жестов может быть связана с типом дискурса, так как участникам были представлены картинки для описания, что скорее могло быть выполнено с помощью жестов, которые носили иконический характер.

Анализ показал, что использованные метафорические и метафтонимические жесты были двух типов: 1) жесты, в основе которых лежала концептуальная метафора; 2) «авторские» жесты, которые использовались в переносном значении (см. рисунок 1).

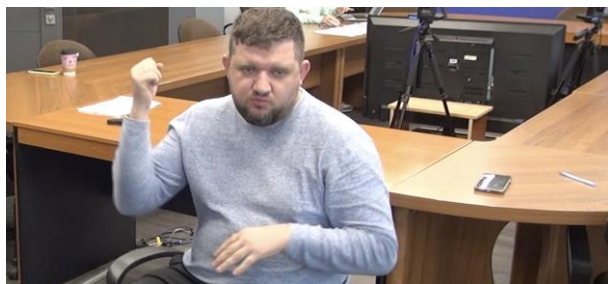

Рис. 1. Метафора. Жест «УДАРИТЬ» (ударил дождь)

Рис. 2. Метонимия. Жест «МАШИНА» (вел машину)

Рис. 3. Метафтонимия. Жест «ВЫКРУТИТЬСЯ»
(придумать, как выкрутиться)

Одним из предварительных выводов проведенного анализа является то, что метафора и метафтонимия, возможно, являются более редкими явлениями в описательном дискурсе на РЖЯ, чем метонимические. Таким образом, выдвигается предположение, что большая

часть использованных жестов, возможно, имеет скорее иконическую природу, которая, тем не менее, не будет являться маркером повышенной креативности в русском жестовом языке (ср. с жестами в речи [Гришина 2017; Архипова 2025]) в связи с процессами схематизации и иконичности, лежащими в основе жестовых языков [Taub 2004].

Литература

Архипова Я. В. Креативность в полимодальном дискурсе: анализ метафоризации в жестах, сопровождающих речь // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 9–16.

Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры, 2017. 744 с.

Зыкова И. В., Киосе М. И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.

Ирисханова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке / под ред. Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 157–171.

Киосе М. И. Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа // [электронный ресурс]. Москва, Россия, 2020. 81 с. DOI: 10.26170/ufv20-02-03.

Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. Киев: Тип. Ин-та Св. Владимира, 1862. 344 с.

Якобсон Р. Две стороны языка и два типа афатических нарушений / Р. Якобсон // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1990. Вып. VI. С. 78–97.

Chomsky N. Current Issues in Linguistic Theory / N. Chomsky. The Hague: Mouton, 1970. 119 p.

Goossens L. Metaphtonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action / L. Goossens // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1, no. 3. P. 323–342. DOI: 10.1515/cogl.1990.1.3.323.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. 193 p.

Langacker R. W. Reference-point constructions / R. W. Langacker // *Cognitive Linguistics*. 1993. Vol. 4, no. 1. P. 1–38.

Taub S. F. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language / S. F. Taub. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 275 p.

* Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования по проекту «Креативность в повседневной коммуникации: анализ устной речи с учетом полимодальности» (№ 125031904195–0).

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС СЕГОДНЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*

А. А. Махова, С. О. Савчук

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

discourse@yandex.ru, savsvetlana@mail.ru

Мультимедийный параллельный корпус — это последний проект, который успела организовать и довести до материального воплощения Е. А. Гришина. Последняя работа, подготовленная Еленой Александровной для публикации, — тезисы, которые она направила зимой 2016 года на воркшоп по мультимодальной коммуникации в рамках 7-й международной конференции по когнитивной науке (Светлогорск, 20-24 июня 2016 года), называлась «Мультимедийный параллельный корпус (МультиПАРК): новый тип корпуса для сопоставительных исследований» [Гришина 2016].

Концепция и технология разработки корпуса, опыт использования в исследовательской практике описаны в работах [Grishina, Savchuk, Sichinava 2010], [Гришина 2011], [Гришина 2015]. МультиПАРК сочетает в себе свойства мультимедийного и параллельного корпусов и предназначен для сопоставительных исследований. Корпус состоит из двух независимых зон, которые отличаются как характером материала, так и способом его организации.

Русскоязычный (русский) МультиПАРК дает возможность сопоставить разные кино-, теле-, радио- и театральные постановки одной и той же пьесы на русском языке. История корпуса началась в 2014 году с одной экранизации и двух театральных постановок гоголевского «Ревизора»; к концу 2016 года в состав корпуса входили 9 театральных и киноверсий «Ревизора», а объем составлял чуть более 124 тыс. словоупотреблений.

В настоящее время объем корпуса вырос в 3 раза и превышает 375 тыс. словоупотреблений. Корпус включает, помимо пьесы Н. В. Гоголя, пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» (5 версий), «Три сестры» (6 версий), «Вишневый сад» (4 версии). В 2025 году в корпусе организован новый раздел художественного чтения прозы в исполнении профессиональных мастеров звучащего слова — чтецов, актеров, дикторов радио и ТВ (подробнее об этом см. [Махова 2026]). В

пилотную версию вошли «Повести Белкина» А. С. Пушкина, рассказы А. И. Куприна, М. М. Зощенко в исполнении О. П. Табакова, И. М. Смоктуновского, А. А. Калягина, Р. Я. Плятта, В. М. Соломина, А. И. Шварца, П. В. Массальского и др.

Подготовлен пилотный проект нового мультимедийного поэтического корпуса, который можно рассматривать как одно из направлений развития русского МультиПАРКа [Савчук, Махова 2022].

Англо-русский МультиПАРК позволяет сопоставить звучащий текст и его перевод на другой язык, в направлении с английского языка на русский или с русского на английский. Организация корпуса подобна организации языковых пар в параллельном корпусе письменных текстов, но усложняется тем, что каждому фрагменту транскрипта сопоставлен видеоклип. Пилотный проект корпуса объемом около 50 тыс. словоупотреблений, открылся в 2016 году, он содержал фрагменты англоязычных сериалов с закадровым переводом: «Друзья», «Скорая помощь», «Убойный отдел».

Сегодня, в 2026 году, объем корпуса увеличился в 5 раз и достигает почти 253 тыс. словоупотреблений. Наряду с сериалами с закадровым переводом в него включены англоязычные фильмы на английском языке и с русским дубляжем («Как украсть миллион», «Тутси» и др.), которые позволяют изучать устную английскую речь по транскриптам кинофильмов и сопоставлять ее с переводом на русский язык. В последние годы был взят курс на размещение в корпусе разных версий произведений — русской и англоязычной. Начали с драматургии, поскольку предположили, что театральные постановки ближе к исходному тексту и потому обеспечат больше точек соприкосновения между версиями на разных языках, чем в случае сопоставления экранизаций. Гипотеза подтвердилась на практике, и в настоящее время в составе корпуса две пьесы А. П. Чехова — «Дядя Ваня» и «Вишневый сад». Планируется подготовка параллельных версий других пьес А. П. Чехова, а также классиков англоязычной драматургии — Юджина О’Нила, Теннесси Уильямса, Оскара Уайльда, чьи произведения неоднократно ставились на русской сцене и экранизировались.

По замыслу Е. А. Гришиной предполагалось, что в составе мультимедийного модуля НКРЯ будут не только англо-русский, но и немецко-русский, французско-русский и другие мультимедийные параллельные корпуса. Понимая сложность задачи, будем стремиться к ее осуществлению, — насколько позволит исходный материал.

Важность параллельных корпусов устной речи для лингвистических исследований и преподавания языков общепризнана, однако количество таких ресурсов остаётся ограниченным. Среди близких по материалу к англо-русскому МультиПАРКу можно выделить MultiOpenSubs — параллельный корпус субтитров [Нестеренко 2023]; MulTed — корпус субтитров выступлений TEDx на разных языках, размеченный по частям речи и выровненный по предложениям с опорой на английский язык [Zeroual, Lakhouaja 2018]. Однако эти ресурсы являются корпусами транскриптов, которые выровнены по принципу параллельных, но лишены мультимедийной составляющей. В этом контексте англо-русский и русский параллельные корпуса по-прежнему сохраняют статус уникальных — как и десять лет назад.

В своих тезисах Е. А. Гришина выражала уверенность, «что оба МультиПАРКа, русский и англо-русский, со временем найдут своих пользователей». Тем не менее, несмотря на уникальный потенциал, эти ресурсы пока не получили широкого распространения, о чем свидетельствует их невысокая посещаемость. Целесообразно было бы расширить демонстрацию возможностей мультимедийных параллельных корпусов, представив примеры небольших исследований, выполненных исключительно на их материале с использованием соответствующего инструментария.

Русский МультиПАРК предназначен для сопоставительного исследования одной реплики, произнесённой в одинаковых обстоятельствах разными говорящими. Это позволяет определить, какие интонационные, структурные, фонетические и жестовые особенности фразы являются обязательными (воспроизводимыми всеми), а какие — уникальными или случайными. Кроме того, сопоставление помогает выявить регулярные изменения при переходе от письменного текста драматического произведения к реальному звучанию на сцене или экране. Несмотря на искусственность ситуации говорения в театре и кино, можно ожидать, что полученные результаты будут существенны для понимания устной русской речи.

Англо-русский МультиПАРК позволяет проводить сопоставительные исследования в области интонации и фонетики, лексики и семантики, фразеологии и синтаксиса, а также анализировать жестикуляцию в англоязычном дискурсе. Привлекая данные МУРКО и русского МультиПАРКа, можно вести сопоставительные жестикуляционные исследования. Кроме того, корпус содержит образцы

перевода аудиовизуальных текстов, который рассматривается как самостоятельный вид переводческой деятельности.

Литература

Гришина Е. А. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): современное состояние и перспективы развития // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2011». СПб, 2011. С. 138–144.

Гришина Е. А. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 6 (6). С. 65–88.

Гришина Е. А. Мультимедийный параллельный корпус (МультиПАРК): новый тип корпуса для сопоставительных исследований // Седьмая Международная конференция по когнитивной науке, 20-24 июня 2016 г., Светлогорск, Россия: тезисы докладов. Светлогорск: Ин-т психологии Российской акад. наук, 2016. С. 672–673.

Махова А. А. Подкорпус русской прозы в составе мультимедийного модуля НКРЯ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2026 (в печати)

Нестеренко Л. Новый параллельный корпус MultiOpenSubs. 2023. URL: <https://groups.google.com/g/mosling/c/0ZYh7HqsLsI>

Савчук С. О., Махова А. А. Мультимедийный поэтический корпус: принципы создания и особенности разметки // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 133–147.

Grishina E., Savchuk S., Sichinava D. Multimodal Russian Corpus (MURCO): Studying Emotions // 7th Conference on Language Resources and Evaluation LREC'2010, Valetta, Malta. Workshop Best Practice for Speech Corpora in Linguistic research/ http://www.corpora.uni-hamburg.de/lrec2012/Proceedings_Complete.pdf

Imad Zeroual, Abdelhak Lakhouaja. MulTed: A multilingual aligned and tagged parallel corpus // Applied Computing and Informatics. 2018. DOI:10.1016/j.aci.2018.12.003

* Работа выполнена в рамках Государственного задания «Методы корпусной лингвистики в исследовании грамматики и лексики русского языка и языков России в контакте с русским» в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

ПАУЗАЦИЯ И ПРОСОДИЯ РЕЧИ ПРИ АФАЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Ю. В. Николаева^{1,2}, М. П. Игнатенко¹

*¹МГУ имени М.В. Ломоносова, ²НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

masha895@tut.by

Афазия – «сложное, системное нарушение речи, которое возникает при органических поражениях мозга, охватывает разные уровни речи и пронизывает всю психическую деятельность человека» [Цветкова, Глозман 1978: 3].

Просодия и паузация у пациентов с афазией широко изучалась преимущественно на английском материале [Marotta et al., 2008; Sidtis et al., 2010; Walker et al., 2009; Zipse et al., 2025; Amebu Seddoh, 2008; Danly & Shapiro, 1982; Seddoh, 2004; Ryalls, 1982]. Многие из этих исследований также строго экспериментальные и не используют в качестве материала спонтанную речь. В данном исследовании паузация при афазии рассматривалась на русскоязычном спонтанном материале, что привносит новые данные в эту область.

Целью работы было выявить особенности просодических паттернов у пациентов с передними и задними формами афазии. Для передних форм афазии характерно нарушение экспрессивной речи, однако пациент понимает обращенную к нему и собственную речь; при задних формах афазии беглость речи сохраняется, однако ее понимание затруднено [Akhutina 2003].

Метод. В исследовании приняли участие 3 пациента с передними формами афазии, 2 — с задними формами и 3 здоровых испытуемых из контрольной группы. В программе Praat была произведена транскрибация аудиозаписей и были размечены паузы длиной от 0.1 секунды (заполненные и незаполненные). В отличие от стандартного для транскрибирования устного дискурса деления на ЭДЕ было принято решение делить на клаузы, так как деление на ЭДЕ при афазии является ненадежным и может приводить к ошибкам разметчиков.

Результаты. Была посчитана описательная статистика для длин пауз в зависимости от их типа (заполненная / незаполненная) и позиции (внутри клаузы / между клауз).

Анализ результатов показал, что размах длин всех пауз и средняя их длительность у пациентов и с передними, и с задними формами афазии выше, чем в контрольной группе. Общее количество пауз и доли заполненных пауз по отношению к незаполненным оказались примерно равными во всех трех группах. У пациентов с передними формами афазии паузы внутри клауз в среднем были длиннее, чем в остальных двух группах.

Обсуждение результатов. Полученные данные требуют дальнейшего исследования на более крупной выборке, чтобы сделать более достоверные выводы о межгрупповых различиях. Кроме того, для уточнения природы выявленных паттернов необходима разметка пауз по их функции (дыхательные / хезитационные). Предварительные наблюдения показывают, что в контрольной группе было существенно больше пауз для вдоха и восстановления дыхания (важность изучения паттернов дыхания в таких исследованиях отмечалась в работе Ryalls, (1982), в то время как у пациентов с афазией наблюдались в основном хезитационные паузы, однако это наблюдение требует статистического подтверждения. Тем не менее, можно заключить, что выявленные паттерны паузации у русскоязычных пациентов с афазией в целом согласуются с результатами аналогичных исследований на англоязычном материале.

Литература

- Цветкова Л. С., Глоzman Ж. М. 1978. Аграмматизм при афазии. М.: Издательство Московского университета.
- Akhutina, T. V. R. (2003). Mechanism of Speech Production Based on the Study of Aphasia. *Journal of Russian & East European Psychology*, 41(3–4), 12–32.
- Amebu Seddoh, S. (2008). Conceptualisation of deviations in intonation production in aphasia. *Aphasiology*, 22(12), 1294–1312.
- Danly, M., & Shapiro, B. (1982). Speech prosody in Broca's aphasia. *Brain and Language*, 16(2), 171–190.

Marotta, G., Barbera, M., & Bongioanni, P. (2008). Prosody and Broca's aphasia: An acoustic analysis. Studi Linguistici e Filologici Online, 6(1), 79–88.

Ryalls, J. H. (1982). Intonation in Broca's aphasia. Neuropsychologia, 20(3), 355–360.

Seddoh, S. A. (2004). Prosodic disturbance in aphasia: Speech timing versus intonation production. Clinical Linguistics & Phonetics, 18(1), 17–38.

Sidtis, D. V. L., Cameron, K., Bonura, L., & Sidtis, J. J. (2010). Prosodic changes in aphasic speech: Timing. Clinical Linguistics & Phonetics, 24(2), 155–167.

Walker, J. P., Joseph, L., & Goodman, J. (2009). The production of linguistic prosody in subjects with aphasia. Clinical Linguistics & Phonetics, 23(7), 529–549.

Zipse, L., Gallée, J., & Shattuck-Hufnagel, S. (2025). A targeted review of prosodic production in agrammatic aphasia. Neuropsychological Rehabilitation, 35(4), 863–903.

ПРОСОДИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОЧИНЕННОЙ ГРУППЫ

В. И. Подлесская

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

podlesskaya@iling-ran.ru

Одно из самых выдающихся открытий современной интонологии состоит в обнаружении прямой связи между просодическим обликом структурной единицы и ее грамматическим статусом. Из работ Т. Е. Янко (Янко 2008, 2024, Yanko 2023) опирающихся, в свою очередь, на подходы, разработанные в трудах И. И. Ковтуновой (1976), С. В. Кодзасова (1996, 2001), Е. В. Падучевой (1989), мы знаем, что расположение главного фразового акцента («акцентоносителя» (Янко 2008)), или «интонационного центра» (Падучева 1989), составляющей, а также направление движения тона в её интонационном центре устанавливается по структурным правилам – в соответствии с типом фразовой категории данной единицы и ее местом в структуре предложения, и шире — в структуре дискурса. Эти правила предсказывают, в частности, что в русском языке в паре «вспомогательный глагол плюс группа полнозначного глагола» главный акцент прототипически размещается на группе полнозначного глагола, в паре «глагол плюс прямое дополнение» — на дополнении, в паре «адъективное определение плюс определяемое» — на определяемом, в паре «несогласованное определение плюс определяемое» — на определении, ср. *буду **СТИРАТЬ**, стирать РУБАШКУ, белая РУБАШКА, рубашка из СИТЦА*. В общем случае, изменение порядка слов не влияет на место интонационного центра, см. следующие популярные примеры из работы (Кодзасов 1996: 183), где слово *белье* остается акцентоносителем невзирая на изменение порядка слов: *Буду **БЕЛЬЕ** грязное стирать;* *Буду стирать грязное **БЕЛЬЕ**; БЕЛЬЕ грязное стирать буду.*

Интонационные портреты отдельных синтаксических групп описаны в упоминавшейся выше литературе и ряде других сочинений с различной степенью подробности. Сочиненные именные группы относятся к числу тех, которым до настоящего времени не было уделено достаточно внимания. В рамках данной работы мы попытаемся частично восполнить этот пробел. Наша задача — проверить и уточнить на корпусном материале предположение о двух

стратегиях просодического оформления русских сочинительных конструкций, предварительно высказанное в нашей работе (Кибрик, Подлесская (ред.) 2009: 128–137). Эти две стратегии условно названы нами адаптивной и параллельной. При адаптивной стратегии носителем главного фразового акцента является последний конъюнкт, тогда как не последние либо произносятся атоначески, либо акцентируются таким образом, что движение тона на их ударном слоге обратно движению тона на ударном слоге последнего конъюнкта. Например, если на последнем конъюнкте наблюдается подъем тона, то на не последних (если они акцентированы) — падение, и наоборот. При параллельной стратегии все конъюнкты акцентируются, причем движение тона на всех конъюнктах однонаправленное. Иллюстративным примером адаптивной стратегии может служить минимальная пара (1) и (2). В (1) сочиненная группа *хозяин и работник* входит в тематическую составляющую, второй конъюнкт *работник* реализуется с восходящим тоном, маркирующим тематический статус и незавершенность, первый конъюнкт *хозяин* реализуется с зеркальным (адаптивным) падением. В (2) та же самая группа входит в рематическую составляющую, второй конъюнкт *работник* реализуется с ровным тоном в низком регистре, маркирующим рематический статус и завершенность, а первый конъюнкт *хозяин* реализуется с зеркальным (адаптивным) подъемом:

(1) *Рассказ Льва Николаевича Толстого "Хозяин и работник" читает народный артист эс-эс-эс-эр [СССР] Борис Андреич Бабочкин. Передача первая.* [Л. Н. Толстой. Хозяин и работник (исп. Б. А. Бабочкин) (1895, 1960)]

Рассказ Льва Николаевича \Толстого (0.18) \«Хозяин (0.05) и /работник», читает народный артист /эс-эс-эс-эр [СССР] Борис Андреич \Бабочкин.

(2) *Заключительная пятая передача по рассказу Льва Николаевича Толстого «Хозяин и работник»/ читает народный артист эс-эс-эс-эр [СССР] Борис Бабочкин.* [Л. Н. Толстой. Хозяин и работник (исп. Б. А. Бабочкин) (1895, 1960)]

/Заключительная —

\пятая,

— /передача (0.28) по рассказу Льва Николаевича /Толстого "/Хозяин (0.05) и — работник".

/Читает народный артист /эс-эс-эс-эр [СССР] Борис \Бабочкин.

Параллельная стратегия проиллюстрирована в (3), где в сочиненной группе *детям и жене* подъем тона, отвечающий на незавершенность главного предложения перед придаточным, реализуется на обоих конъюнктах:

(3) *И Питирим Сорокин/ он всегда говорил детям и жене/ что если бы было возможно/ если б можно было вернуться/ он ни за что бы не променял вот эти девственные леса на самый урбанистичный город.* [Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура») (2011)]

он (0.18) всегда говорил /детям и /жене.

- На материале двух подкорпусов НКРЯ — мультимедийного (МУРКО) и МультиПарка, а также пилотной версии просодически размеченного корпуса устных личных рассказов «Что я видел» [Коротаев и др. 2024] мы попытаемся продемонстрировать следующие особенности просодического оформления сочиненных именных групп.
- При параллельной стратегии движения тона в конъюнктах однонаправленные, то есть оба маркируются либо как просодически завершенные, либо как просодически незавершенные, однако их конкретное просодическое оформление не обязательно идентично, возможны комбинации восходящего, нисходяще-восходящего или восходяще-ровного паттернов (или интонационных конструкций — ИК3, ИК4, ИК6 – в номенклатуре [Брызгунова 1982]).
- При трех и более конъюнктах используется смешанная стратегия: чаще всего носителем главного фразового акцента является последний конъюнкт, он отвечает за статус группы (тема/рема, завершенность / незавершенность), а все предшествующие конъюнкты оформляются тоном, параллельным друг другу, но адаптивным (зеркальным) по отношению к последнему.
- При использовании двойных союзов часто используется параллельная стратегия, но она не обязательна — встречаются конструкции с двойными союзами и адаптивной стратегией, и наоборот — с одинарным союзом и адаптивной стратегией. Более того, при двойных союзах встречаются случаи переноса акцента на союз, что в целом, для русского языка совсем не характерно: ср. возможное *согласились прийти И Петя И Ваня.*

- С прагматической точки зрения адаптивная стратегия служит интеграции именной группы, а при параллельной каждый из конъюнктов предъядвляется как автономный.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). Том 1. М.: Наука, 1982. С. 103–118.

Кибрик А. А., Подлеская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М. Просвещение, 1976.

Кодзасов С. В. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М.: Институт русского языка РАН, 1996. С. 181-204.

Кодзасов С. В. Комбинаторные методы в фонологии. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2001.

Кортаев Н. А., Панышева Д. А., Неверова Е. А., Подлеская В. И. Корпус «Что я видел» как инструмент анализа панического дискурса. «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2024 г. Материалы конференции. Савчук С. О. (отв. ред.). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. С. 32–37.

Падучева Е. В. К интонационной транскрипции для предложений произвольной синтаксической сложности // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования. М., 1989.

Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯСК. 2001.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК. 2008.

Янко Т. Е. Интонация. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru/new/chapter/phon/intonation/>). На правах рукописи. 2024.

Yanko Tatiana E. 2023, “Intonation (Sentence): Russian”, in: Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online, Editor-in-Chief General Editor Marc L. Greenberg, Lenore A. Grenoble. Consulted online on 21 November 2023 http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_036340 First published online: 2023

ПОЛИМОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЛИЯНИЯ ПЕРСПЕКТИВЫ В POST-НОС НАРРАТИВЕ ИГРОКА

О. Н. Прокофьева, А. Д. Буцык

*Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
oliviaprok@gmail.com*

Данное исследование посвящено рассмотрению феномена слияния перспективы в модальностях речи и мануальных жестов игрока, представляющего нарратив после прохождения краткой сюжетной видеоигры-стимула в рамках эксперимента. Предполагается, что анализ собранного материала может не только отразить полимодальные характеристики post-hoc нарратива игрока, но и носить более прикладной характер, а именно позволит сделать выводы относительно иммерсивности стимульного материала, которая рассматривается на основе слияния перспективы игрока и персонажа. Таким образом, можно соотнести иммерсивность игры с маркерами слияния перспективы в речи и жестах игрока.

Методология исследования

Как отмечалось в монографии Е. А. Гришиной [Гришина 2017], жест и точка зрения представляют отдельную ветвь исследований жестикуляции, которые включают как работы на материале жестов, сопровождающих речь (среди них также [Parill 2010; Евдокимова, Николаева 2021; Логинова, Ржешевская 2022; Cienki 2024]), так и жестовых языков (например, в [Ozyurek, Pernis 2011; Stec 2012]). В [Stec 2012] также встречается разделяемое Е. А. Гришиной мнение о том, что любой жест, благодаря своим пространственным характеристикам, зачастую не может не профилировать перспективу, так как для определения последней преимущественно используется оценка ориентации жеста по отношению к телу говорящего. Большинство исследований при этом опирается на ставшую классической классификацию Д. МакНилла, которая, в зависимости от дистанции между точкой зрения говорящего и персонажа, традиционно разделяет жесты на отражающие точку зрения персонажа речи (character viewpoint; CVPT), то есть жесты минимальной дистанции, можно сказать, жесты слияния перспективы говорящего и персонажа, где первый выступает участником описываемого события, с одной стороны, и жесты, отражающие точку зрения наблюдателя (observer viewpoint; OVPT), то

есть жесты с маркированной дистанцией между говорящим и персонажем, где первый выступает как комментатор и внешний участник события, с другой [McNeill 1992]. При этом часто, как, например, в [Parill 2010], используется расширение данной классификации, включающее случаи жестикуляции с невыраженной точкой зрения (N-VPT) и с двойной точкой зрения (D-VPT), которая конструирует посредством жестикуляции точку зрения и внутри, и вне описываемой ситуации (например, говорящий может конструировать событие при помощи поворота или наклона корпуса «внутри» ситуации, а при помощи мануальных жестов — «вне»).

В то же время, если в рамках жестовой модальности перспектива «не может избежать материального воплощения» [Гришина 2017: 20], вербальное маркирование требует отдельного выделения единиц на уровне позиционирования [DuBois 2007], а именно речевых маркеров intersубъективного позиционирования, среди выделяемых в [Ирисханова 2025] маркеров слияния перспективы и выдвижения субъекта позиционирования.

Материал и методы

Основным методом исследования стал полимодальный эксперимент, предполагающий прохождение специально разработанной нарративной игры-стимула и комментариев основных событий сюжета на камеру. Языком эксперимента был родной для участников русский язык. Для создания стимула был проведен предварительный анализ вводной части (15-40 минут) 18 видеоигр выбранного жанра. Для анализа были выдвинуты 14 полимодальных критериев, которые, предположительно, создают эффект иммерсивности в рассматриваемых аудиовизуальных работах [Agrawal et al. 2019]. Наиболее частотные черты (не менее чем в 50% игр) были включены в разработку стимула. Так, в нем используется вид от 1 лица — он маркируется изображением руки главного героя, открывающей ширму перед собой, или установлением зрительного контакта других персонажей с главным героем. Впоследствии релевантность данных визуальных элементов подтвердилась выдвижением на уровне зрительного восприятия, зарегистрированного при помощи айтрекера. Был добавлен выбор главного героя и его реплик, который влиял на вариант концовки. В тексте на экране использовались маркеры выражения перспективы как второго лица в обучающих метадискурсивных комментариях и в репликах, обращенных к персонажу, так и первого лица в репликах главного героя. Основная часть эксперимента

дополнялась анкетированием участников относительно их опыта прохождения видеоигр.

Материалом исследования послужили вербальный (1164 ЭДЕ; 8-136) и жестовый (425; 0-78) компоненты собранных комментариев 30 участников в возрасте от 18 до 32 лет. Время комментариев не ограничивалось и варьировалось от 40 секунд до 3 минут 37 секунд говорения (всего 44 минуты).

Результаты и обсуждение

При анализе жестов 81% был помечен как жесты без выражения перспективы (N-VPT): они включали в себя все жесты прагматического характера и все жесты, которые помогали конструировать ситуацию вне сюжета игры. В то же время для выделенных жестов CVPT (50 жестов) учитывались только жесты точки зрения главного героя, а для жестов OVPT (22) — жесты «наблюдателя игры». При анализе речи были выделены ЭДЕ с маркированной в глагольных формах и в личных или притяжательных местоимениях перспективой 1 лица ед. ч. (164), 1 лица мн. ч. (31), 3 лица (35; без разделения на число) и 2 лица (15; без разделения на число), которые позволили оценить точку зрения, с которой ситуация конструировалась словесно. Распределение как кинетических (мануальных), так и вербальных сюжетно ориентированных маркеров выражения перспективы в рамках материала можно было бы представить на шкале сближения перспективы говорящего и персонажа. В жестах: OVPT > CVPT. В речи: 2 лицо (внешний или обобщенный субъект, как в *сможешь ли ты успокоить толпу*) > 3 лицо (главный герой игры, находящийся в описываемой ситуации, говорящий занимает точку зрения наблюдателя, как в *он задержался на мероприятии*) / 1 лицо мн. ч. (игрок и персонаж, находящиеся в ситуации совместно, выступающие как «мы», но перспектива одного не полностью заменяет перспективу другого, как в *они нас замечают*) > 1 лицо ед. ч. (главный герой игры, находящийся в ситуации, при конструировании которой точка зрения персонажа и игрока сливаются и выступают как единое целое, как в *когда я пришел в здание Сената* или *но мои слова приводят к тому*). Данные шкалы, предположительно, подтверждают иммерсивность разработанного стимула и вовлеченность говорящего на post-hoc дискурсивном этапе. Тем не менее, отметим, что экстремумы данных шкал (CVPT жесты и маркеры перспективы 1 лица ед. ч.) не превосходят 12% единиц для жестового и 14% единиц для вербального

компонента дискурса, сохраняя определенный уровень дистанцирования между говорящим и сюжетом.

Последующий попарный корреляционный анализ Спирмена между количественными показателями вербального и невербального маркирования точки зрения также показал статистически значимые ($p < 0.05$) положительные корреляции между использованием перспективы 1 лица ед. ч. в речи и CVPT жестов (0.398), с одной стороны, и 3 лица и OVPT жестов (0.662), с другой, указывая на синхронизацию модальностей в конструировании ситуации от лица главного героя или, напротив, наблюдателя. При этом дополнительно отмечается значимая положительная корреляция ($p < 0.05$) между опытом прохождения нарративных игр и использованием как большего количества ЭДЕ (0.386), так и большего количества жестов всех категорий (0.493) и CVPT жестов, в частности (0.458), указывая на возможную связь между предварительным знакомством с подобным видом полимодального дискурса и полным слиянием перспективы игрока и персонажа в жестах.

Заключение

Анализ экспериментальных данных указывает на характерную для post-hoc нарратива игрока тенденцию к кросс-модально синхронизованному слиянию перспективы как на вербальном (посредством маркеров перспективы 1 лица), так и на жестовом (посредством жестов CVPT) уровне. Выделенные маркеры не доминируют в дискурсе, оставляя дистанцию между говорящим и героем игры, но указывают на возможность наложения точек зрения, что можно было бы рассматривать как показатель иммерсивности при учете предшествующего опыта взаимодействия с подобными аудиовизуальными произведениями.

Литература

Гришина Е. А. (2017). Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК.

Евдокимова А. А., Николаева Ю. В. (2021). Точка зрения персонажа и точка зрения наблюдателя: их реализация в жестах головы и рук. Когнитивные исследования языка, 1 (44), 182–189.

Ирисханова О. К. (2025). Когнитивная прагматика как прагматика полимодальная: анализ intersubjectивного позиционирования в устном диалоге Слово.ру: Балтийский акцент, Т. 16, № 3, 54–72.

Логинова Е. Г., Ржешевская А. А. (2022). Речь и жесты в дискурсе драмы. Полимодальные измерения дискурса. Отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: Издательский Дом ЯСК, 110–152.

Agrawal S., Simon A., Bech S., Bærentsen K., Forchhammer S. (2020). Defining Immersion: Literature Review and Implications for Research on Audiovisual Experiences. *Journal of the Audio Engineering Society*. Audio Engineering Society, 68, 404–417.

Cienki A. (2024). Gestures in Relation to Interaction. *The Cambridge Handbook of Gesture Studies*. A. Cienki (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 577–682.

Du Bois J.W. (2007). The stance triangle. *Stancetaking in discourse: Subjectivity, evaluation, interaction*. R. Englebretson (ed.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 139–182.

McNeill D. (1992). *Hand and Mind. What Gestures Reveal about Thought*. Chicago: The University of Chicago Press.

Ozyurek A., Perniss P.M. (2011) Event representation in sign language: A crosslinguistic perspective. *Event representation in language: Encoding events at the language cognition interface*. J. Bohnemeyer & E. Pederson (eds.). Cambridge, UK: Cambridge University Press, 84–107.

Parrill, F. (2010). Viewpoint in speech-gesture integration: Linguistic structure, discourse structure, and event structure. *Language and Cognitive Processes*, 25(5), 650–668.

Quinto-Pozos D, Parrill F. (2015). Signers and co-speech gesturers adopt similar strategies for portraying viewpoint in narratives. *Top Cogn Sci*, 7(1), 12–35.

Stec K. (2012) Meaningful shifts: A review of viewpoint markers in co-speech gesture and sign language. *Gesture*, 12(3), 327–360.

**“WE HAVEN’T TALKED ABOUT THIS MUCH”:
ЖЕСТОВОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РИТОРИЧЕСКОГО
ОТНОШЕНИЯ «ФОН» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Н. В. Сухова

*Университет науки и технологий МИСИС
(Москва, Россия)*

suhova.nv@misis.ru

Исследования в области невербальной коммуникации и мультиканальной лингвистики в последние пять–десять лет сосредоточены на изучении дискретных элементов вербального и кинетического каналов и их взаимодействия [Fritz 2021; см. подробнее о современном состоянии исследований в The Cambridge Handbook... 2024]. Однако особый интерес представляют появляющиеся труды, посвященные анализу корреляции жестов и когнитивно-семиотических категорий, таких как индексальность, неопределенность и т. п. [Прокофьева, Ирисханова, Киосе 2022]. Подобный взгляд на дискурс позволяет охватить его глобальную структуру на всех уровнях реализации.

Целью данной работы является изучение кинетического оформления риторического отношения «фон» (background), выраженного фразами с глаголом “talk”, в академическом дискурсе. Другими словами, какие мануальные, цефалические и окуломоторные единицы сопровождают элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ) с глаголом “talk”, указывающие на информацию в предыдущих или последующих дискурсивных эпизодах.

Материалом исследования послужил университетский курс из 24 лекций, прочитанный Нэнси Кэнвишер (Nancy Kanwisher), профессором нейробиологии из Массачусетского технологического института. Курс представляет собой запись еженедельных аудиторных

лекций для студентов по дисциплине 9.13 *The Human Brain*, MIT¹, проведенных в 2019 году, и выложенных в открытый доступ по лицензии *Creative Commons BY-NC-SA*. В узкий корпус исследования вошли 4 лекции (1, 2, 4², 5), общее время звучания – 4 часа 20 минут.

Курс лекций выбран не случайно. С одной стороны, это пример академического дискурса, который в силу общей трансформации коммуникативной ситуации (участники, формат и пр.) меняется стилистически, а также на уровне содержания, просодического оформления и т. д. [Фрейдина 2013; Аристова 2023]. В связи с этим исследование современного академического дискурса в американском контексте, где помимо вышеуказанного, еще и понятие общеамериканского варианта английского языка (*General American*) размывается, и появляются другие варианты³, под общим наименованием *Mainstream American English* [Thorson, Burdin 2024], оказывается очень актуальным. С другой стороны, особенностью лекционного курса является то, что один и тот же лектор встречается с одной и той же аудиторией на протяжении длительного времени, тем самым формируется определенное содержательное пространство (некое общее пропозициональное целое), к которому лектор неизбежно возвращается. Кроме того, формируется и будущностное пространство, так как у лектора есть план всех лекций, и он знает, что он будет к какому-то материалу или идеи прибегать, рассказывать и обращаться в будущем. В силу этого изучение кинетического оформления риторических отношений внутри академического дискурса, выражающих эти пространства, также представляется актуальным.

При рассмотрении глобальной структуры, которая и содержит в себе все пропозициональное пространство серии лекций, была выбрана теория риторической структуры [Mann, Thompson 1988], как

¹ Kanwisher, N. 9.13 *The Human Brain*, MIT [A Lecture Course]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ba-HMvDn_vU (дата обращения 22.01.2026).

² Третья лекция отсутствует на канале.

³ Среди них, например, встречаются такие: *Standard American English*, also called *Academic English*, *Standard Edited American English*.

возможный интерфейс между локальными элементарными дискурсивными единицами и общим содержанием отдельно взятой лекции, нескольких лекций или всего курса в целом. В классической теории и в ее более поздних модификациях насчитывается много риторических отношений, однако для целей данной работы было выбрано отношение «фон» (background), которое описывается как одноядерное отношение, где в сателлите приводится контекст, фон, исходные данные, с учетом которых должна восприниматься ситуация ядра¹. При этом в нашем случае это не только исходные данные, но будущие данные, будущий фон.

Возможным вариантом реализации отношения «фон», как нам представляется, служат ЭДЕ с глаголом “talk”, например:

– выражающие отсылку к **прошлому** содержанию, например: *we haven't talked about this much; that I talked about; we've already talked about; last time we talked a bit about...; we talked a teeny bit about some behavioral data;*

– выражающие отсылку к **будущему** содержанию, например: *that we'll talk about; we'll talk about that more later; we're going to talk about; we don't have time to talk about this in any detail; so I want to talk just a little bit about.*

Пилотное исследование проводилось в несколько этапов: от формирования банка фраз лекций узкого корпуса, соответствующих содержательному критерию «отсылки» к прошлому или будущему описанию (см. таблица 1), до аннотирования ЭДЕ и сопутствующих им кинетических единиц в программе *ELAN*², и анализа полученных результатов. Кинетические единицы описывались в мануальном канале (жесты каждой руки фиксировались в отдельном слое), в цефалическом канале и окуломоторном канале.

¹ См. в том числе инструкцию по-английски здесь: <https://www.sfu.ca/rst/01intro/definitions.html> и по-русски здесь: <https://rstreebank.ru/aboutRhetRel>

² *ELAN* (Version 6.9) [Computer software]. (2025). Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. Retrieved from <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

Таблица 1. Количество случаев ЭДЕ со словом “talk” в риторическом отношении «фон», описывающих прошлое или будущее содержание

Лекция	Количество случаев в отношении будущего (всего)	Количество случаев в отношении прошлого (всего)	Общее количество случаев в отношении будущего и прошлого	Общее количество случаев использования слова “talk”
1	6	0	6	18
2	7	2	9	19
4	6	0	6	13
5	3	3	6	14

Также был создан канал для самих фраз. Жесты аннотировались целиком, исходя из трех возможных фаз – подготовки, маха и ретракции; фаза удержания размечалась отдельно (см. рис. 1).

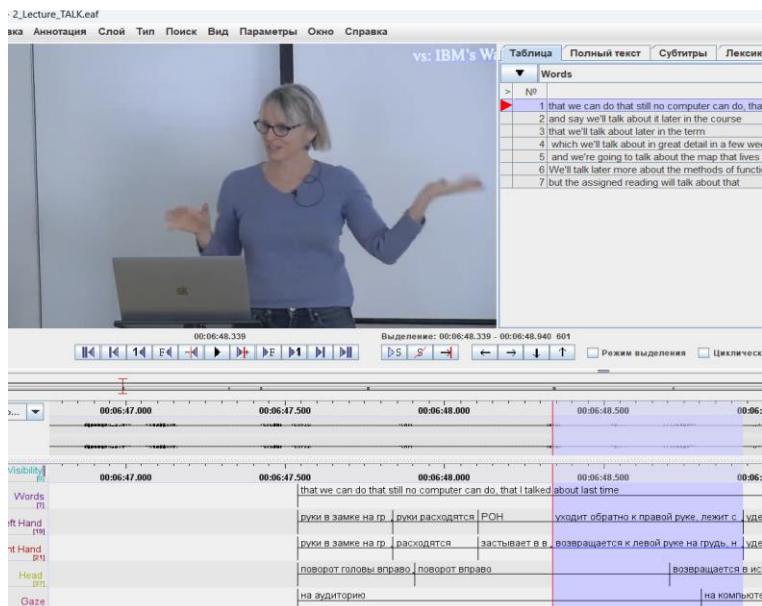

Рис. 1. Пример аннотации ЭДЕ “that I talked about last time”

Предварительные результаты на примере пилотного исследования показали, что в первых четырех лекциях превалирует использование ЭДЕ со словом “talk” в отношении будущего содержания, которое выстраивает риторическое отношение «фон» с будущим содержанием как внутри одной лекции, так и с содержанием последующих лекций. ЭДЕ в отношении прошлого содержания появляются уже со второй лекции, но их гораздо меньше. Интересно, что ЭДЕ с глаголом “talk”, которые можно отнести к риторическому отношению «фон», составляют в каждой лекции почти половину от общего количества словоупотреблений “talk”.

Кинетическое сопровождение анализируемых ЭДЕ отличается тем, что в большинстве случаев самым активным органом оказывается голова и соответственно направление взгляда на аудиторию или слайд. При упоминании будущего содержания лектор «окидывает» взглядом аудиторию, поворачивая голову справа налево в силу расположения компьютера и студентов в аудитории. Здесь можно вспомнить работы в области глазного поведения, как в объяснительной, так и в описательной парадигме [Федорова 2025]. При упоминании прошлого содержания наблюдаем не активные мануальные жесты. Мануальные движения, за исключением явных дейктических жестов в сторону слайда, больше относятся к адапторам или «любимым» позам лектора, как-то: руки скрещены на груди, левая рука на поясе, руки в карманах.

Таким образом, данное пилотное исследование показало, что кинетическое оформление риторического отношения «фон» (background) в англоязычном академическом дискурсе, выраженного фразами с глаголом “talk”, которые указывают на информацию в предыдущих и последующих дискурсивных эпизодах, имеет свои особенности в виде мануальных адапторов и редких жестов рук; активных цефалических поворотов и активного глазного поведения.

Литература

Аристова Д. Д. Фоностилистическое своеобразие жанра лекции в свете современной риторики интеллективного общения: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аристова Дарья Дмитриевна; МГУ имени М. В. Ломоносова. М., 2023. 257 с.

Прокофьева О. Н., Ирисханова О. К., Киосе М. И. Речь и жесты в описательном дискурсе // Полимодальные измерения дискурса / Отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022, С. 63–110.

Федорова О. В. Две первые окуломоторные пятилетки: от описания к объяснению // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е.А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2025 г. Материалы конференции. / Отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025. С. 69–73.

Фрейдина Е. Л. Фоностилистический аспект академической публичной речи. Просодия публичной речи / Под общ. ред. Е. Л. Фрейдиной. М.: Прометей, 2013, С. 7–36.

Fritz I., Kita S., Littlemore J., Krott A. Multimodal language processing: How preceding discourse constrains gesture interpretation and affects gesture integration when gestures do not synchronise with semantic affiliates // *Journal of Memory and Language*, 2021, 117, 104191.

Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. *Text*, 1988, 8 (3), pp. 243–281.

The Cambridge handbook of gesture studies / Ed. A. Cienki. Cambridge University Press, 2024.

Thorson J. C., Burdin R. S. Phonetic implementation and the interpretation of downstepping in Mainstream US English // *Journal of Phonetics*, 105, 101340.

РУССКИЕ «РЕПОРТАЖИ О ГРУШАХ»

О. В. Федорова

*МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)*

olga.fedorova@msu.ru

На конференции Диалог 2013 года в Бекасово Е. А. Гришина вела секцию, в рамках которой я делала доклад по материалам «Фильма о грушах» У. Чейфа [Chafe 1980]. В частности, я упомянула о том, что вышедшем сборнике, посвященном большому Европейскому проекту по созданию телекомментария для незрячих [Mazur, Chmiel 2012]. В перерыве после секции мы с Е. А. Гришиной обсуждали перспективы этого проекта, и в ходе этого разговора у меня окончательно сформировалась идея попробовать собирать не только традиционные пересказы фильма, записанные после просмотра, но и онлайн-комментарии-репортажи. Для воплощения этой идеи в жизнь потребовалось почти 10 лет, но 8 февраля 2022 года я сделала доклад о результатах самого первого такого эксперимента. Настоящий доклад подводит итоги серии из пяти подобных исследований, осуществленных в 2021-2025 годах.

1. Репортажи и вербальная рабочая память. По нашим интуитивным представлениям, жанр репортажа требует от человека довольно больших когнитивных ресурсов (сравнимых, возможно, с когнитивными затратами синхронных переводчиков), поэтому в 2021 году мы начали исследование этого жанра с изучения особенностей вербальной рабочей памяти (вРП) испытуемых. Проведя пилотное тестирование 16 студентов ОТиПЛА, мы обнаружили корреляцию между объемом вРП и успешностью репортажей у здоровых испытуемых. Мы определили «успешный» репортаж как такой репортаж, в котором испытуемый говорит (1) непрерывно, (2) быстро и (3) лексически разнообразно. В результате мы действительно получили значимую положительную корреляцию между объемом вРП и темпом речи, а также лексическим разнообразием. Однако корреляция между объемом вРП и непрерывностью репортажа вопреки ожиданиям оказалась отрицательной; возможно, навык избегать длинных неза-

полненных пауз хезитации относится к коммуникативной сфере и поэтому не требует больших затрат когнитивных ресурсов [Федорова 2022].

2. Интродукция в репортажах. Собранный корпус состоит из 25 репортажей, записанных в 2022 году со студентами ОТиПЛ. Интродукцией мы называем введение нового референта в долговременную память адресата. В прототипическом случае интродуктивное предложение состоит из трех основных элементов: (1) общей позиции (*common ground*), (2) бытийного оператора и (3) номинация референта. Проанализировав интродуктивное поведение испытуемых в «Репортажах о грушах» и сравнив их с «Рассказами о грушах», мы показали, что, имея некоторые свои особенности, они все же остаются намного больше похожи на классические «Рассказы о грушах», чем на истинные (спортивные) репортажи [Федорова 2023]. Типичная усредненная репортажная интродукция выглядит таким образом:

(1) [садовник] (0.3) (э0.2) вижу дерево, к нему приставлена лестница, (мм0.6) на которой стоит мужчина.

[мужчина с козой] (0.4) мы видим человека, (э0.3) в футболке и шляпе, (0.4) он ведет козу.

[мальчик] (э0.4) на заднем плане едет мальчик на красном велосипеде, (0.5) он тоже в шляпе.

[девочка] (0.3) ему навстречу едет (0.3) девочка на велосипеде, (0.4) с двумя косичками.

[три мальчика] (0.6) мальчик слышит стук, (0.5) поднимает голову, (0.3) и видит трех других мальчиков.

3. Двойные репортажи и известность референта. В 2023 году мы записали 12 «двойных» репортажей, когда каждый испытуемый – студент ОТиПЛ проходил этот тест дважды с интервалом в полгода. На собранном материале мы рассмотрели вопрос об особенностях дискурсивной референции. В отличие от более традиционного жанра «Рассказов о грушах», когда испытуемый порождает пересказ после окончания просмотра фильма, в ходе репортажа он описывает то, что видит в данный момент, не имея возможности оценить значимость происходящего в масштабах всего сюжета. Однако ситуация меняется,

когда при повторном репортаже примерно через полгода испытуемый забывает некоторые детали, однако помнит сюжет, так что строит свой репортаж, держа в уме знание этого сюжета. В данном исследовании мы подтвердили гипотезу о том, что известность сюжета повышает активацию основных персонажей фильма – мальчика и садовника [Тыщишина, Федорова 2023].

4. Репортаж + Пересказ. В 2024 году мы начали проводить скрининговый «грушевый» тест для студентов ОТиПЛ по новой методике, когда каждый испытуемый сначала комментирует фильм в процессе просмотра, а сразу после этого пересказывает его. На данный момент это самый большой из наших корпусов, который продолжает пополняться и насчитывает в настоящий момент около 160 записей. Ниже мы приведем некоторые предварительные наблюдения, которые нуждаются в дальнейшей проверке.

- В «Репортажах о грушах» значимо чаще встречаются высказывания с интонацией незавершенности (так как испытуемый не знает, что будет дальше).
- «Репортажи о грушах» ведутся в более высоком темпе, с большим количеством абсолютных (незаполненных) пауз и задержек.
- В «Репортажах о грушах» лексическое разнообразие меньше, чем в «Рассказах о грушах».

5. Шизофренические группы. В проекте, который в настоящее время проводится совместно с коллегами-психологами, исследуются языковые особенности юношей возрастной группы от 16 до 25 лет с диагностированными расстройствами шизофренического спектра. Корпус состоит из 104 записей, включающих как репортажи, так и пересказы «Фильма о грушах» (общая длительность корпуса 14 ч. 40 мин.), записанных с юношами 16–25 лет, в том числе 22 записей пациентов с диагнозом по МКБ-10 F20 «Шизофрения», которые имели манифестный психотический приступ (общая длительность подкорпуса 3 ч. 3 мин.), 34 записей пациентов с диагнозом по МКБ-10 F21 «Шизотипическое расстройство», имевших преддебютные расстройства (длительностью 4 ч. 30 мин.), а также 48 записей группы контроля (длительностью 7 ч. 8 мин.). Основная цель проекта состоит в разработке методов ранней диагностики преддебютных стадий

шизофрении и прогнозирования дальнейшего течения психического расстройства.

В докладе будут более подробно рассмотрены результаты проведенных исследований, а также описаны перспективы дальнейших экспериментов.

Литература

Chafe W. (ed.). *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production.* Norwood: Ablex, 1980.

Mazur I., Chmiel A. Towards common European audio description guidelines: Results of the Pear Tree Project // *Perspectives: Studies in Translatology* 20(1), 2012. P. 5–23.

Тыщишина Т. Е., Федорова О. В. Еще раз о грушах, или Известность референта как фактор активации // Т.И. Давидюк, И.И. Исаев, Ю.В. Мазурова и др. (ред.). *Язык как он есть: Сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика.* Москва: ООО Буки-Веди, 2023. С. 135–140.

Федорова О. В. В прямом эфире Фильм о грушах: когнитивные особенности репортажа // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции Диалог.* М.: РГГУ, 2022. С. 203–210.

Федорова О. В. Модель интродукции в русских репортажах о грушах: роль общей позиции // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции Диалог.* Москва: МИИ, 2023. С. 62–68.

ГОЛОВА И ЖЕСТ В ТЕКСТАХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)*

lara.shestakova@mail.ru, an_kuleva@mail.ru

Продолжая тему, которая освещалась в более ранних докладах и публикациях [Шестакова, Кулева 2024а; 2024б], рассмотрим один из частных случаев отражения русской жестикуляции в поэтическом языке – описание жестов, включающих в себя движение головы.

Анализ поэтических текстов основан на авторитетных лингвистических исследованиях по русской жестикуляции [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001; Крейдлин 2002; Гришина 2012; 2013; 2017] и позволяет выявить новые аспекты в изучении проблемы.

Исследование проводится на материале «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП] в сопоставлении с корпусными данными [НКРЯ].

СЯРП – многотомный словарь, создаваемый по произведениям десяти видных поэтов Серебряного века (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой). Сопоставление данных Словаря с данными поэтического корпуса (ПК) [НКРЯ] свидетельствует о том, что этот лексикографический труд не только представляет поэтический язык в лингвистически проанализированном, структурированном виде (контексты в словарных статьях выстроены хронологически и сопровождаются необходимыми комментариями), но и достаточно представителен по объему, что позволяет говорить как об определенных авторских идиостилиях, так и о языке поэзии в целом.

Поэтический материал показывает, что само слово *жест* весьма значимо в стихотворном тексте, причем эта лексема может функционировать как в более общем, абстрагированном понимании, так и в описаниях конкретных жестов. Прототипически под жестом обычно понимается движение, совершаемое рукой, однако неоднократно отмечалось, что в жестикуляции могут быть задействованы и другие части тела, в том числе голова [Гришина 2013].

Само слово *голова*, как и другие соматизмы, прежде всего *рука*, входит в лексическое ядро поэтического языка.

Так, если словарная статья *жест* в СЯРП (т. II) включает всего чуть более 40 контекстов, то *рука* (т. VII) – ок. 1500, *голова* (т. II) – ок. 500 контекстов (577 словоупотреблений). В ПК НКРЯ (если ограничить поиск тем же временным отрезком, что представлен в СЯРП: пользовательский подкорпус «год рождения авторов – с 1855 по 1905 г.») обнаруживаем сопоставимое соотношение: *жест* – 263 примера, *рука* – 20 342, *голова* – 6501.

В СЯРП *голова* является доминантой словообразовательного гнезда, которое включает как производные единицы, в том числе индивидуально-авторские, так и более далекие по смыслу однокоренные лексемы:

ГОЛОВНОЙ;

ГОЛОВКА, **ГОЛОВУШКА** [*нар.-поэт.*], **ГОЛОВОЧКА** (Цветаева), **ГОЛОВЁНКА** (Маяковский), **ГОЛОВЁНОЧКА** (Цветаева);

ГОЛОВА-ЛУНЬ [*нов.*] (Маяковский);
ГОЛОВА-МОЯ-ДЕРЖАВА [*нов.*], **ГОЛОВА-МОЯ-ЗАВАЛЫ** [*нов.*]
и **ГОЛОВА-МОЯ-ПРОПАЖА** [*нов.*] (Цветаева);

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ и **ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫЙ** (Пастернак), **ГОЛОВОЛОМНЫЙ** (Цветаева), **ГОЛОВОМОЙКА** (Пастернак, Мандельштам), **ГОЛОВОРЕЗ** (Хлебников, Пастернак), **ГОЛОВОТЯП** и **ГОЛОВОТЯПСКИЙ** (Пастернак);

ГОЛОВАТ [*нов.?*] (Маяковский) и **ГОЛОВИТ** [*разг.; кр. ф. прил.* головитый (умный)] (Цветаева);

ГОЛОВАН [здесь: в знач. большой надувной шар] (Мандельштам), **ГОЛОВАСТИК**, **ГОЛОВЁШКА**, **ГОЛОВИЗНА**, **ГОЛОВНЯ**;

ср. также **ГЛАВА** и родственные слова.

Употребительность разных грамматических форм связана с их общезыковой частотностью и версификационным потенциалом, но при этом особый интерес вызывает инструментальное значение творительного падежа, поскольку именно для этой формы можно предполагать наличие «жестового» значения.

Наиболее употребительны формы творительного падежа, а также И.-В.:

Т.ед. *головой, головою* — 115, 35 словоформ в СЯРП и 1511, 637 примеров в ПК НКРЯ; Т.мн. *головами* — 11 и 124;

В.ед. *голову* — 118 и 1303; И.ед. *голова* — 111 и 1100; Р.ед. и И.(В.)мн. *головы́* и *го́ловы* — 102 и 1001;

остальные формы встречаются реже: Д.ед. и П.ед. *голове* — 35 в СЯРП и 462 в ПК НКРЯ; Р.мн. *голов* — 38 и 248; Д.мн. *головам* — 2 и 21; П.мн. *головах* — 10 и 86 (без учета омонимии).

Обратимся к примерам.

Слово *голова* может употребляться в описании жеста, совершаемого человеком, в том числе жеста, который служит отражением или частью какого-либо действия (и в метафорических выражениях, где жест в действительности отсутствует): *наклонить голову* ‘прислушаться, проявить внимание’, *склонить голову* ‘поклониться, подчиниться’, *повесить голову* ‘загрустить, отчаяться’, *кивнуть головой* ‘согласиться’, *покачать головой* ‘согласиться или выразить сомнение’, *сложить голову* ‘погибнуть’, *вскружить голову* ‘увлечь, влюбить’ (*голова кружится*) и мн. др. В стихотворных текстах, помимо общеязыковых выражений, отмечаются и образные употребления.

Особенно показательны контексты, где жест головой (или с участием головы) сопровождается словами *наме́к, призна́к* или обозначениями состояния, черт характера человека, ср.:

Я извинилась, выражая Печаль наклоном головы; А он, цветы передавая, Сказал: «Букет забыли вы». — РП [речь персонажа] (Блок);

О, не впервые странных встреч Я испытал немую жуткость! Но этих нервных рук и плеч Почти пугающая чуткость... В движениях гордой головы Прямые признаки досады... (Так на людей из-за ограды Угрюмо взглядывают львы). (Блок);

В поднятии головы крылатый Намек — но мешковат сюртук; В закрытии глаз, в покое рук — Тайник движенья непочатый. [поэт о себе] (Мандельштам);

Ах, не оценят — мир так груб! — Пленительную Вашу позу. Я помню: Вы у самых губ Держали розу. // Не подымая головы, И тем подчеркивая скуку — О, этот жест, которым Вы Мне дали руку. (Цветаева).

Слово *голова* используется и при обозначении жестов, где голова выступает в качестве объекта, на который обращено какое-либо действие, т.е. в пассивной роли:

Охватила голову и стою, — Что людские козни! — Охватила голову и пою На заре на поздней. (Цветаева);

Плясунья-шалунья вскочила на дерево, Стоит на носке, другую, в колене согнув, занесла над головой, И согнута в локте рука. (Хлебников).

Голова может «функционировать» метонимически, как бы «отделяясь» от человека, приобретая некоторую самостоятельность действий или же обозначая человека:

Прилегла на берег размытый Голова русалки больной. (Блок);

Ругань металась от писка до писка, / и до-о-о-о-лго / хихикала чья-то голова, / выдерживаясь из толпы, как старая редиска; Жестоким / солдатским богом божились / роты, / бились об пол головой многолобой. (Маяковский);

То ли ветер свистит Над пустым и безлюдным полем, То ль, как роищу в сентябрь, Осыпает мозги алкоголь. // Голова моя машет ушами, Как крыльями птица. Ей на шее ноги Маячить большие невмочь. (Есенин).

Вполне предсказуемо, что речь может идти о голове не только человека, но и животного:

Только утро забрежжило, конь прибежал И трясет головою сердито. (Блок);

Но лютый лев, зверь рыкающий, <...> Помотал головой косматою. (Кузмин);

Каждая задрипанная лошадь Головой кивает мне навстречу. (Есенин).

Более того, слово *голова* употребляется и по отношению к растениям, а также к другим объектам, в том числе абстрактным. Ср.:

Старый розовый куст, колючий, пыльный, без листьев, Грустно качал головой у подножья высокой бойницы. (Блок);

Край ты, край мой, родимый, Вечный пахарь и вой, Словно Вольга под ивой, Ты поник головой. (Есенин);

Но в этот час угрюмый Ничто нейдет на ум. И горько, как на расстанках, Качают головой Заборы, арестанты, И кони, и конвой. (Пастернак).

Можно отметить, что помимо общеязыковой метафоры «голова (головка) цветка» и типичного поэтического олицетворения, возможен и обратный перенос «голова — растение» (особенно часто у Есенина):

Скоро белое дерево сронит Головы моей желтый лист; Срежет мудрый садовник осень Головы моей желтый лист; В последний раз я друга обниму... Чтоб голова его, как роза золотая, Кивала нежно мне в сиреновом дыму. (Есенин);

ср.: *И не повернув / головы кочан / и чувств / никаких / не изведав, / берут, / не моргнув, / паспорта датчан / и разных / прочих / шведов.* (Маяковский).

Отдельно следует остановиться на символических образах, реминисценциях религиозных сюжетов. Так, не редки случаи обращения разных поэтов к образу Иоанна Крестителя:

Таясь, проходит Саломея С моей кровавой головой. // Всё спит — дворцы, каналы, люди, Лишь призрака скользкий шаг, Лишь голова на черном блюде Глядит с тоской в окрестный мрак. (Блок);

Тысячу раз опляшет Иродиадой / солнце землю — / голову Крестителя. (Маяковский);

Уже встал Иоанн, Изможденный от ран, Поднял с земли Отрубленную голову, И снова гремят Его уста, Снова грозят Содому: «Опомнитесь!» (Есенин);

Но песня — песнью всё пребудет, В толпе всё кто-нибудь поет. Вот — голову его на блюде Царю плясунья подает; Там — он на эшафоте черном Слагает голову свою; (Блок);

От таких и погибали люди, За такой Чингиз послал посла, И такая на кровавом блюде Голову Крестителя несла. [посв. Т.М. Вечесловой]; *Сколько раз менялись мы ролями, Нас с тобой и гибель не спасла, То меня держал ты в черной яме, То я голову твою несла.* (Ахматова).

Добавим, что в описании жестов, совершаемых при участии головы, могут использоваться и другие лексические средства. В соответствующих контекстах встречаются, например, слова, обозначающие часть головы — в том числе в метонимическом употреблении, ср.:

Выпятил вперед, Свесив губу, как слово «так!», Свой железный подбородок Вождя толп, Прет вперед и вперед, и вперед! [о В. В. Маяковском] (Хлебников); *Цыганская страсть разлуки! Чуть встретишь — уж рвешься прочь! Я лоб уронила в руки, И думаю, глядя в ночь* (Цветаева); *Закинув голову и опустив глаза, Пред ликом Господа и всех святых — стою. Сегодня праздник мой, сегодня — Суд.* <...> *Так, смертной женичиной, — опущен взор, Так, гневным ангелом — закинут лоб, В день Благовещенья, у Царских врат, Перед лицом твоим — гляди! — стою.* (Цветаева); *Пастух играет песню на рожке. Уставясь лбами, слушает табун, Что им поет вихрастый гамаюн.* (Есенин). Однако такие случаи заслуживают специального рассмотрения.

Таким образом, слово *голова*, весьма важное для поэтического языка, нередко употребляется в нем в описании жестов, порождая при этом самые разные семантические обертоны; ср. строки Цветаевой:

О, в каждом повороте головы — Целая преисподня!

Ключевые слова: жест, НКРЯ, Серебряный век, словарь поэтического языка.

Литература

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.; Вена, 2001.

Гришина Е. А. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 3–50.

Гришина Е. А. Указания головой как система // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 90–130.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М., 2017.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 10.01.2026).

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I — / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М., 2001—.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Слово *жест* в поэтическом дискурсе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024а. № 4 (42). С. 311–329. DOI: 10.31912/pvrl-2024.4.16

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Рука и жест в текстах поэтов Серебряного века // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»). Москва, 8 февраля 2024 г. Материалы конференции / Отв. ред. С. О. Савчук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024б. С. 55–58.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛЕЙ *ТАКОЙ И ВИДИШЬ ЛИ, ВИДИТЕ ЛИ**

Е. Я. Шклярук

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
ek.shklairuk@gmail.com*

Изучение устного дискурса уже давно стало важным и активно развивающимся разделом языкознания. Методы полевой лингвистики и корпусные исследования позволили выделить специфические функциональные единицы устной речи — прагматические маркеры (ПМ). Они употребляются говорящими неосознанно, на уровне речевого автоматизма, часто теряют или ослабляют в устном дискурсе свое исходное лексическое, а порой и грамматическое значение [Богданова-Бегларян и др. 2021].

Одним из классов ПМ являются *маркеры-ксенопоказатели* (ПМК). Функция этих единиц — ввод в повествование чужой речи (ЧР) (в широком понимании этого термина, т. е. и своей собственной, сказанной ранее или только планируемой на будущее, и собственных или чужих мыслей, и даже «интерпретации поведения другого человека») [Левонтина 2010: 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022].

Настоящее исследование посвящено описанию просодических особенностей ПМК *такой, видите (видишь) ли*. Источниками материала для исследования послужили два корпуса русской устной речи: мультимедийный подкорпус Национального корпуса русского языка (МУРКО) и корпус повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД).

На материале пользовательского подкорпуса, содержащего контексты с ПМК, с помощью слухового и инструментального анализа с применением программы Praat, удалось выделить значимые просодические признаки выделенных ПМК. Такими признаками оказались длительность звучания, паузация и интенсивность. Однако сопоставительный анализ полноценных лексических единиц, ставших

«прототипами» ПМК, и самих ПМК показал, что самым значимым признаком является понижение тона на ПМК, ср. (ЧР во всех контекстах подчеркнута):

- 1) *тын-дын-тын-тын-тын / но въехала // он **такой** / ну(:) молодца / ну поехали отсюда (ОРД);*
- 2) *Он деньги сэкономил/ он заработал/ а ей два миллиарда/ **видите ли**. А кто ввёл эту дурацкую норму/ что пополам? Она по магазинам бегала/ по салонам красоты* (МУРКО)

Так, в приведенных примерах на ПМК приходится понижение тона, что иллюстрируют интонограммы на рис. 1 и 2 (место употребления ПМК указано стрелкой).

Рис. 1. Интонограмма к примеру (1)

Рис. 2. Интонограмма к примеру (2)

Видно, что ПМК «выпадает» из общего интонационного контура высказывания, что можно объяснить механизмом их употребления на уровне речевого автоматизма. При употреблении полнозначных, непрагматизированных, единиц *такой* и *видеть* подобной тенденции не наблюдается.

Изменение просодических характеристик языковой единицы тесно связано с процессами *прагматизации* и *грамматизации*. Эти активные языковые процессы взаимосвязаны. В ходе грамматизации языковое явление становится грамматическим или более грамматичным, т. е. единица из «области лексического» переходит в «область грамматического» [Lehmann 1995]. Грамматизация, как правило, предшествует функциональному изменению языковой

единицы, когда, уже в ходе прагматикализации, определенные грамматические формы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность [Богданова-Бегларян 2021].

Яркой иллюстрацией таких изменений становится путь единицы *говорит*. Употребление этой единицы в качестве ПМК сопровождается не только понижением тона, но и редукцией [Стойка 2019]. Такой путь грамматических и прагматических изменений сближает единицу *grit* с частицами *мол*, *дескать* и *де*, которые являются результатом процесса прагматикализации. Этимологически эти единицы восходят к глагольным формам: «де — аорист от делать (деять), в значении ‘говорить’, дескать (дискать) — стяжение от де сказать ‘осуществил речь’, а мол (мл) — прошедшее время от молвить» [Арутюнова 2000: 437]. Потенциал к редукции имеют и другие маркеры-ксенопоказатели.

Таким образом, просодические особенности ПМК могут не только маркировать новые этапы прагматикализации и грамматикализации, но и стать одним из четких формальных признаков, отличающих полнозначные употребления языковых единиц от ПМ.

Литература

Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол* // Язык о языке: сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.

Богданова-Бегларян Н. В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.

Левонтина И. Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 284–289.

ПМ — Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Стойка Д. А. Словарь редуцированных форм русской речи / Науч. ред. Н. В. Богданова-Бегларян, техн. ред. Т. Ю. Шерстинова. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 112 с.

Bogdanova-Beglarian, N. V., Ryko, A. I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL) // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные исследования. Сб. Статей / Под ред. С. Ю. Рубцовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 80–89.

Lehmann, C. Thoughts on Grammaticalization. Revised and expanded version. 2nd ed. München: LINCOM Europa, 1995. 230 p.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФ (проект № 22-18-00189-П «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

ПРОСОДИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ. КРУТОЙ ПОДЪЕМ

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН

(Москва, Россия)

tanya_yanko@list.ru

Рассматривается просодическая конструкция, используемая для выражения несогласия, неодобрения, порицания. Конструкция сопровождается дискурсивное слово *ага*, основная функция которого — состоит, наоборот, в выражении согласия, поддержки и послушания. Исследование проведено на материале Мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка. О корпусе см. [Савчук и др. 2024]. Для верификации и визуализации образцов звучащей речи использована система анализа устной речи Praat [Boersma, Weenink 2026].

Анализируемая конструкция относится к классу восходящих интонационных конструкций русского языка, таких, как выделенные Е. А. Брызгуновой [1982] ИК-3 и ИК-6. Особенность новой конструкции состоит в достижении критического для конкретного человеческого голоса уровня частоты в минимальное время. Мы предлагаем называть эту конструкцию *крутым подъемом*. Обратимся к примеру:

- (1) — *Схватите воспаление легких и ага!* — *Что «ага»?* — *Летальный исход!* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром, к/ф, 1975, НКРЯ)

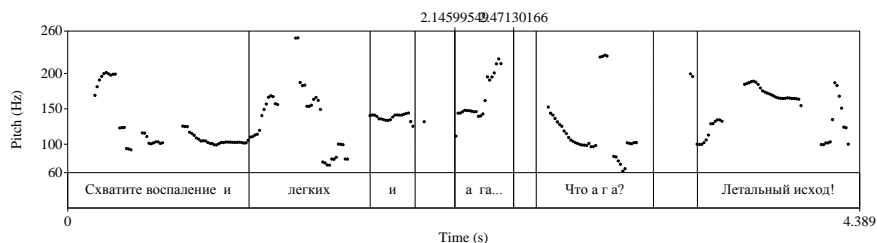

Рис. 1. Изменение частоты тона в примере (1)

Рассмотрим два повышения частоты в примере (1): на словоформе *легких* и на словоформе *ага*. Максимального значения повышения частоты достигает на ударном слоге словоформы *ага*: со

138 герц до 222 герц. Повышение происходит в течение 0,11 сек. Для анализа восходящих конструкций мы предлагаем измерять крутизну подъема по формуле:

$$V = \frac{F_0(H) - F_0(L)}{t(H) - t(L)}$$

Здесь $F_0(H)$ — это значение частоты основного тона в точке локального максимума H , $F_0(L)$ — значение частоты основного тона в точке локального минимума L . Соответственно, t — это время набора частоты. Таким образом, скорость набора частоты на ударном слоге словоформы *ага* составляет 763 hz/sec. При этом подъем частоты на ударном слоге словоформы *легких* составляет 457 hz/sec. Анализ материала говорит о том, что скорость подъема частоты основного тона при крутом подъеме в среднем в полтора-два раза выше, чем при ИК-3, и в два-три раза выше, чем при ИК-6.

Конструкции с союзом *и*, такие, как конструкция *и ага*, обозначающие неожиданное и опасное положение дел — *и конец*, *и каюк*, *и хана*, *и кирдык* и другие — несут ямбическое ударение, между тем аналогичные конструкции с хореическим ударением — *и амба*, *и гибель*, *и баста* — по данным НКРЯ крутого подъема не реализуют. О языке с фонологическим противопоставлением ямба хорею — албанском — в восходящих просодических структурах см. [Karia et al. 2023].

Аналогично конструкциям с союзом *и* крутой подъем реализуется в других употреблениях *ага* тоже с контрфактическим значением: при сарказме, ссоре, издевке. Ср. пример (2), где *ага* звучит как угроза:

- (2) — Ты меня изнасиловал. — Что? — Ага. Так я буду вынуждена сказать мужу. (В. Рожнов. Ночной продавец, к/ф, 2004, МУРКО)

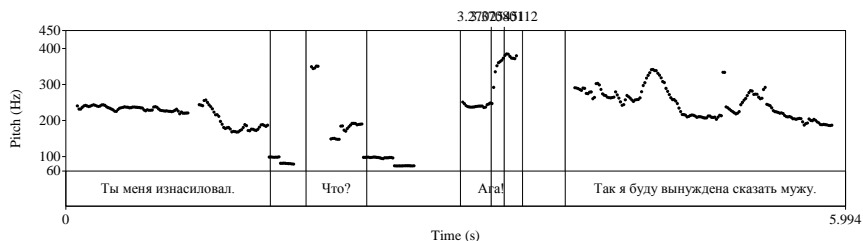

Рис. 2. Изменение частоты тона в примере (2)

График на рисунке 2 говорит о том, что частота на ударном слоге *ага* существенно повышается в единицу времени, стремящуюся к нулю. Скорость повышения частоты на ударном слоге *ага* в примере (2) равна 1283 hz/sec.

Анализ говорит о том, что аналогично контрфактическому *ага* реализуются речевые акты команд — спортивных, военных, полицейских, а также отклики типа *аллю!* и *ага!*:

- (3) *Вперед!* (И. Дыховичный, В. Сорокин. Копейка, к/ф, 2002, МУРКО)

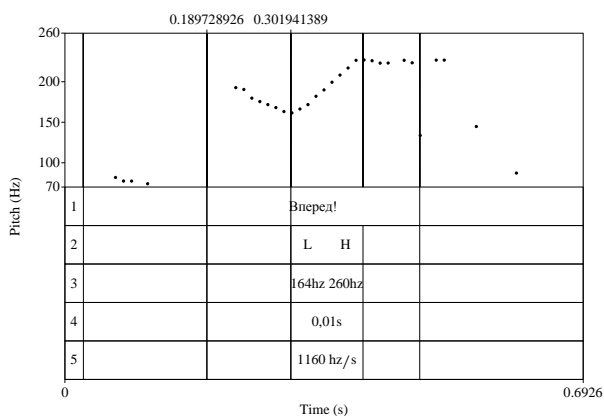

Рис. 3. Изменение частоты тона в примере (3) и расчет набора высоты на ударном слоге команды

Команды, как и контрфактическое *ага*, реализуются в ямбическом режиме, используя стяжения для преобразования исходной хореической словоформы в ямб. Так, хореическая команда *стройся!* дает *стройсь, равняйся!* — *равняйсь!*, а *направо!* — *направО!*:

- (4) *Сегодня наши гости, девочка Вера и обезьянка Анфиса, помогут вам освоить материал...по порядку номеров, рассчитайсь!* (Э. Успенский. Про Веру и Анфису, м/ф, 1986, МУРКО)

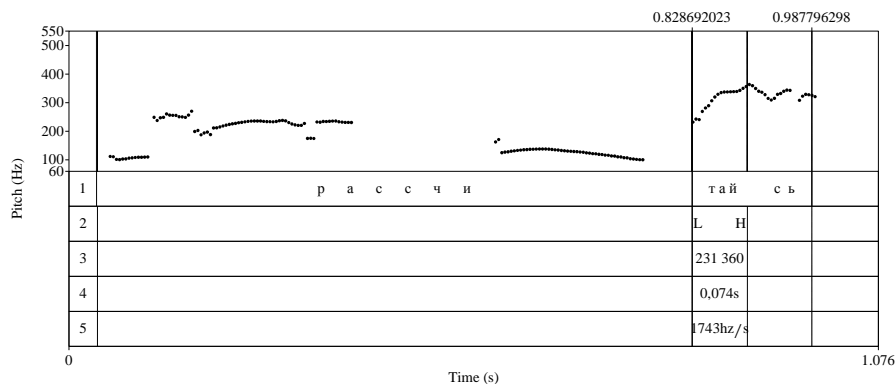

Рис. 4. Изменение частоты тона в примере (4) и расчет набора высоты на ударном слоге команды

Русский язык имеет просодическую конструкцию, которая характеризуется экстремальным набором частоты основного тона на ударном слоге. Набор частоты совершается в единицу времени, стремящуюся к нулю. Предложена формула для измерения крутизны набора и термин, именующий конструкцию: *крутой подъем*. Показано, что скорость набора частоты при крутом подъеме достигает более 1000 герц в секунду, при том, что скорость набора частоты при других типах русского подъема остается около 450 герц в секунду при ИК-6 и около 600 — при ИК-3, по Е. А. Брызгуновой. Крутой подъем сопровождает дискурсивное слово *ага* в контекстах сарказма, недовольства и угрозы. Другой контекст крутого подъема — категорическая команда: спортивная, военная, полицейская. Крутой подъем реализуется в отсутствие заударного слога в ямбических структурах. Хореические же структуры в командах преобразуются в ямбические: ср. *равняйся, по порядку номеров рассчитайсь, направо!*.

Литература

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Том 1. М., 1982а. С. 98–122.

Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Доница О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития. Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.

Boersma P., Weenink D. Praat: doing Phonetics by Computer. Version 6.4.51. 2026.

Kapia E., Harrington J., Kleber F. An Autosegmental-Metrical Analysis of Albanian Prosody (July 25, 2023). Available at SSRN:

<https://ssrn.com/abstract=4520499> or

<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4520499>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«Слово и жест»

**Всероссийская научная конференция,
посвященная памяти Е. А. Гришиной
(«Гришинские чтения»)**

Материалы конференции

Подписано в печать 01.02.2026 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 6. Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В.В. Виноградова
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Отпечатано в типографии Онлайн Принт
115487, Москва, ул. Нагатинская, 16Б